

С Новым
годом,
дорогие
ребята!

КОСТЁР

1 ЯНВАРЬ 1977

НАШ ПОСЕЛОК В ЗИМНИЙ ДЕНЬ

Алла Силинская, 12 лет, город Кировск

КОСТЁР

1

ЯНВАРЬ

1977

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР
Издается с 1936 года
© „Костер“, 1977 г.

Петербург

Рига

Иваново

Москва

Харьков

Одесса

Ростов-на-Дону

Севастополь

Тифлис

Баку

Рисунок
А. Януса

ЧЕРНОЕ МОРЕ

КАСПИЙСКОЕ МОРЕ

Ленский расстрел

Восстание в Средней Азии

РОССИЯ В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИОННЫХ БОЕВ

Двадцатый век вошел в Россию, озаренный пламенем революционной борьбы. Стремление к свободе, вековая мечта крестьян о земле, ненависть заводского пролетариата к царскому самодержавию — все эти потоки слились воедино и захлестнули страну.

Взгляни на карту и ты увидишь, как волна за волной прокатывались раскаты революционной грозы.

Вот баррикады за Невской заставой Петербурга... Многотысячные демонстрации в городах Закавказья... Героическая Красная Пресня Москвы... Восстания крестьян... А над черноморскими волнами — красные флаги «Потемкина» и «Очакова».

Тяжел и труден был путь революции. Не раз врагам удавалось гасить искры свободы. Но лучшие люди России — большевики даже в тюрьмах и ссылках продолжали свою работу. Все чаще проникали на фабрики и заводы номера большевистской «Правды». Все больше людей склонялось по ночам над нелегальными книгами, подписанными уже знакомым именем — Ленин. Близился Великий Октябрь.

«Буря! Скоро грянет буря!»

ГЛАВНЫЙ ДОКТОР РЕСПУБЛИКИ

ПОВЕСТЬ

Семен ЛАСКИН

Рисунки Ю. Лаврухина

В ГИМНАЗИИ

Елец был маленьким, грязным городком с немощеными улочками, поросшими по обочинам лопухом и репейником, с дорогами в колдобинах и ямах, полных грязной стоячей воды. Телеги по этим улицам катились со скрипом, заваливались на бок. Из дворов с лаем выскакивали собаки.

Днем, когда припекало солнце, из палисадников выходили стаи гусей и уток. Они шли солидно в сторону реки Сосны, погреться на луговине.

В центре Ельца на площади, рядом с городской управой, расхаживал, как гусь, высокий, толстый полицейский с саблей.

Гимназия в Ельце была одна, открыли ее незадолго до приезда Коли Семашко.

Учителей набрали разных, большинство было уволенных из гимназий в других городах.

Был, к примеру, учитель физики Клушин: толстый, губастый, злой. Один глаз он держал всегда прикрытым, а вторым следил за классом.

Объяснять физику Клушин не любил. Наберет пять-шесть мальчиков, даст им провод в руки и говорит:

— Сейчас вы поймете, что такое электричество.

И включит ток.

Был еще математик. Худой, изможденный, с бегающими глазками. В класс он входил осторожно. Приоткрывает щелочку и рассматривает всех из-за дверей. Потом вбегит, сядет за учительский стол, а сам руками за края держится — боится, не унесло бы его со стула.

Но самым противным был Розанов, учитель географии, по прозвищу Козел. Тоненький, рыжий, с желтеньким пушком на полированной лысине, на длинных ножках с остренькими коленками и козлиной бородкой.

Бегал Козел вприпрыжку, как и положено козлам, так что мальчишки узнавали его изда-лека и прятались.

На уроках Козел занимался своим делом, что-то писал. Посадит какого-нибудь ябеду за свой стол и скажет:

— Следи, чтобы учили. Да молча.

И пишет, трясет бородкой, постукивает карандашиком. Минут за пятнадцать до конца урока возьмет журнал и водит пальцем по списку, блеет:

— Тээк, тээк... Кто тут желающий?

А все даже прижимаются к партам, боятся.

— Ну-с, к доске сейчас выйдет... — Козел молчит. — ...Сергеев.

Костя Сергеев, маленький, перепуганный, ошарашенно оглядывается по сторонам, точно просит помощи, идет к учителю. Улыбка ширится на лице Козла, расплзается от уха до уха.

— Нет, — внезапно говорит Розанов. — Сергеева я спрашивать не буду. Я буду спрашивать...

И опять весь класс охватывает оцепенение.

— ...тебя!

Его крючковатый палец упирается в Васильева.

Около доски Розанов вынимает из кармана мелок и будто бы случайно роняет.

Эту шутку знают все. Ему хочется, чтобы гимназист поклонился.

— Кланяйся, кланяйся, — со смешком блеет Козел.

Коля Семашко опускает глаза — ему больно за Серегу Васильева.

«Мерзавец! Какой мерзавец, — цедит сквозь зубы Миша Пришвин, Колин ближайший друг. — Не на того напал...»

Он тянет руку. Ему хочется отвечать «посвоему».

Розанов ждет. Он весело поглядывает то на мелок, то на Васильева, притоптывает нетерпеливо ногой. И Сережа нагибается.

Стол вырывается у Пришвина и Семашко.

— Я вижу, — говорит Розанов удовлетворенно, — что Семашко рвется к доске. Васильев, садись... Молодец, Васильев.

И Коля ждет.

Мелок снова падает на пол.

— Напиши главные реки Европы.

Коля Семашко вынимает из кармана мел и пишет.

— Дай-ка мел, — просит Розанов. — А теперь, — говорит он, поглядывая на неподнятый

кусочек, — напиши еще реки Восточной Сибири.

И опять Коля Семашко достает из кармана новый мелок.

Это уже война нервов. Дуэль. Выдержишь — нет.

— Ладно, — говорит Розанов. — Пстой в стороне. Посмотрим, сколько мела у твоего друга Пришвина...

Миша медленно поднимается из-за парты и, словно боясь выдать свою ненависть, идет, набычившись, опустив голову, на Розанова. Мел все еще лежит на полу.

— Бери мел и пиши, — начинает разогреваться Козел. Он вот-вот сорвется, его терпению приходит конец. — Бери! Бери! — кричит он.

Класс даже не успевает понять, что происходит. Миша делает шаг вперед, пиджак и рубашка Розанова оказываются в кулаке у Миши.

Козел испуганно блеет и сучит в воздухе худенькими ногами.

— Отпусти! Отпусти! — грозитя он.

— Вот что, — говорит Миша, поглядывая вверх на учителя. — Последний раз предупреждаю.

Он осторожно ставит Козла на место и идет к доске со своим мелом.

— А теперь — диктуйте, — вежливо просит он.

Но Розанова уже нет в классе. Хлопает дверь. Козел вприпрыжку несется по коридору.

...А через час появляется приказ по Елецкой гимназии: «Гимназиста Михаила Пришвина за хулиганство и непочтение к учителю — исключить... Николаю Семашко — строгий выговор и предупреждение».

Коля идет домой. Его кулаки сжаты. «Гадь! — думает он. — И все же здорово поступил Пришвин».

Миша ждет его у забора. И когда они оказываются рядом, ни о чем Колю не спрашивает. И так ясно.

Они толькожимают друг другу руки.

И все же не только худую память оставила о себе Елецкая гимназия. Было там и хорошее. И в первую очередь запомнил Коля на всю жизнь замечательного человека — учителя истории Павла Дмитриевича Первого.

Тихий, молчаливый, скромный приходил Павел Дмитриевич на урок, обводил добрыми глазами класс и согласно кивал тем, кто хотел отвечать.

Слушает ученика, а потом вдруг начнет дополнять, будто бы сам очевидец этих событий или, что еще замечательнее, — друг великих людей.

А если ребята развеселятся, Павел Дмитриевич нахмурится и ждет, когда класс успокоится. Или тихо попросит:

— Ну, перестаньте же!

И всем становится неловко перед ним.

Когда за чтение запрещенной литературы Колю Семашко захотели исключить из гимназии, Павел Дмитриевич очень резко выступил против решения педагогического совета. И победил.

Долго ученик и учитель гуляли в тот вечер по елецким улицам, и Павел Дмитриевич рассказывал Коле о народных восстаниях и о крестьянских вождях.

— Знаний у них было мало, — несколько раз повторил Павел Дмитриевич. — А революцию, Коля, нужно делать, глубоко зная историю. Огромный опыт борьбы накоплен человечеством.

Прошло много лет, и к старому большевику, ученому и персональному пенсионеру Павлу Дмитриевичу Первому пришли в гости нарком здравоохранения Николай Семашко и знаменитый русский писатель Михаил Пришвин.

Жена Павла Дмитриевича забеспокоилась, собирая на стол, а Павел Дмитриевич, высокий, седоголовый старик, все ходил по комнате, как когда-то в классе, поглядывая на любимых своих учеников да приговаривал добродушно:

— Вот какие вы стали, мои ребятки! А ведь Розанов, наверное, и вправду решил, что он может вам карьеру испортить. Не вышло!..

АРЕСТ

Сонечка Онущенко, маленькая, круглолицая гимназисточка, стояла на ступеньках внутренней лестницы своего просторного дома. Через широкую застекленную дверь ей была видна зимняя московская улица.

Палал косою крупный снег. Прохожие, в чиновничьих, а иногда и в студенческих жидковатых шинельках, спешили, нахлобучив шапки, подняв воротники. Именитые горожане проходили, как правило, не спеша, в незастегнутых доверху лохматых меховых шубах, — таким холод был нипочем.

А по дороге то и дело скользили сани с румяными купчиками да нет-нет проползали со скрипом крестьянские розвальни, запряженные низкорослыми тощими лошаденками.

Вид на дорогу заслоняла крытая служебная карета Сонечкиного отца, Степана Саввича Онущенко, полковника, помощника начальника жандармского управления. На облучке сидел переодетый жандарм в овчинном тулупе, дремал. Над ним вилась, обрываясь, ниточка пара.

Против Сонечки, двумя ступеньками ниже, стоял студент-медик Николай Семашко и уже больше получаса никак не мог с ней пообщаться. Молодые люди шептались о чем-то веселом. Сонечка смеялась.

На лестницу вышел полковник Онущенко в полной жандармской форме.

— Дети! — добродушно сказал он. — Или прощайтесь, или заходите в дом, на лестнице немудрено и простыть. Вы, Николай Александрович, сами говорили, что болеете горлом, вам осложнений хочется?

Он застегнулся на все пуговицы и потрепал Сонечку по волосам.

— Совсем не жалеешь больного Николая Александровича. Не добрая ты у меня...

Подал Семашку руку и крепко ее пожал.

— Куда же это вы к вечеру едете? — спросил Николай Александрович. — Теперь все с работы идут, а у вас, вижу, служебная карета...

— На мою работу никогда не поздно, — сострил Степан Саввич и раскатисто рассмеялся.

— А меня Николай приглашает на Ермолову, в Малый театр, — похвасталась Сонечка. — Вы мне разрешите, папá?

— С Николаем Александровичем куда угодно, — сказал отец и стал спускаться по лестнице. У дверей он достал меховые перчатки, надел их и посмотрел наверх, туда, где стояла его дочь с молодым человеком. — Счастливая беззаботная молодость! — добродушно сказал он. — А тут ни дня, ни ночи! — Вынул из кармана брегет, послушал время: молоточки отбили четверть седьмого. — Работа, работа, всю жизнь одна работа, в театр сходить некогда...

Хлопнула дверь. Кучер привстал на облучке, взмахнул кнутом, лошади сразу же взяли рысью.

Сонечка так и стояла улыбаясь, но когда карета исчезла за поворотом, серьезнее взглянула на Николая Александровича.

— Мне кажется, отец что-то знает, Николенька. Да и жандарм новый около дома. Такое впечатление, что за нами следят.

Она достала из рукава бумагу, сложенную плотно, протянула Семашку.

— Список Студенческого совета. Новый. Будьте очень осторожны.

Он благодарно поглядывает на Сою.

— Вы так много делаете. — Улыбнулся. — А в жандармскую слежку я не верю. Ну кто из них догадается, что наш штаб в доме Степана Саввича? Они меня женихом считают.

Сонечка покраснела и опустила глаза.

— И все же берегите себя. Мне, Николенька, за вас боязно.

Выглянула из дверей Анна Викентьевна, Сонечкина мама, захолопотала.

— Дети, ну что вы мерзнете! Пройдите в дом! Сам больной да и Сонечку простудить хочет.

— Мне пора, — заторопился Семашку. Прикрыл дверь, спустился с крыльца, поклонился новому жандарму, вежливо спросил: — А где же Иван Иванович Пучков? Не заболел ли? Всегда тут стоял...

В голосе Семашко было сочувствие, но глаза поблескивали озорно.

— Не могу знать, барин, — хмуро отозвался жандарм и отошел в сторону.

Карета с полковником Онущенко остановилась против главного входа жандармского управления.

Степан Саввич бросил шинель дневальному и, не задерживаясь, прошел в кабинет. Приехавший курьер передал ему приказ начальника: быть по случаю важного и «известного», как было сказано, дела.

Степан Саввич вошел в кабинет и тут же велел пригласить ротмистра Соколова.

Пока ротмистр раскладывал на столе бумаги, Онущенко потирал замерзшие руки, потом припал к горячей печке щекой, погрелся.

— Тепло! Хорошо! — сказал он. — Ну, а теперь докладывайте...

Соколов протянул листы.

— Список Студенческого совета...

Полковник бегло проглядел листы, поморщился.

— Список устарел. По моим данным, там должны быть Семашко, Смилович, Дживелегов...

— ...Тогда и Онущенко, — осторожно подсказал ротмистр. — Софья Онущенко.

Степан Саввич вздохнул.

— Мы, ротмистр, должны смотреть правде в глаза. Да, и Онущенко. Моя дочь. Впрочем, Софией я займусь сам, а вот ее друзей...

Степан Саввич отошел от печки и теперь расхаживал по кабинету.

— Ах, друг мой, если бы вы знали, какой милый человек один из них. Интеллигент. Дворянин. Умница! И дочь мою любит...

— Что же делать, господин полковник?

Онущенко прикрыл глаза.

— Братъ, — наконец сказал он. — Братъ всех. Кроме Сонечки, — снова прошелся по комнате, всплеснул руками. — Дети! Какие они дети, ротмистр! Устроили штаб-квартиру в моем доме. Решили провести полицию. — Он засмеялся. — Но ведь и полиция не дура.

Надел очки и как бы заново проглядел список.

— Милые, интеллигентные, начитанные люди, а в голове — каша. — Подошел к зеркалу, поправил мундир. — А как поют! Соберутся в Сонечкиной комнате и под гитару... Я очень люблю их слушать, ротмистр.

Задумался, мечтательно склонил голову и еще раз шепотом повторил:

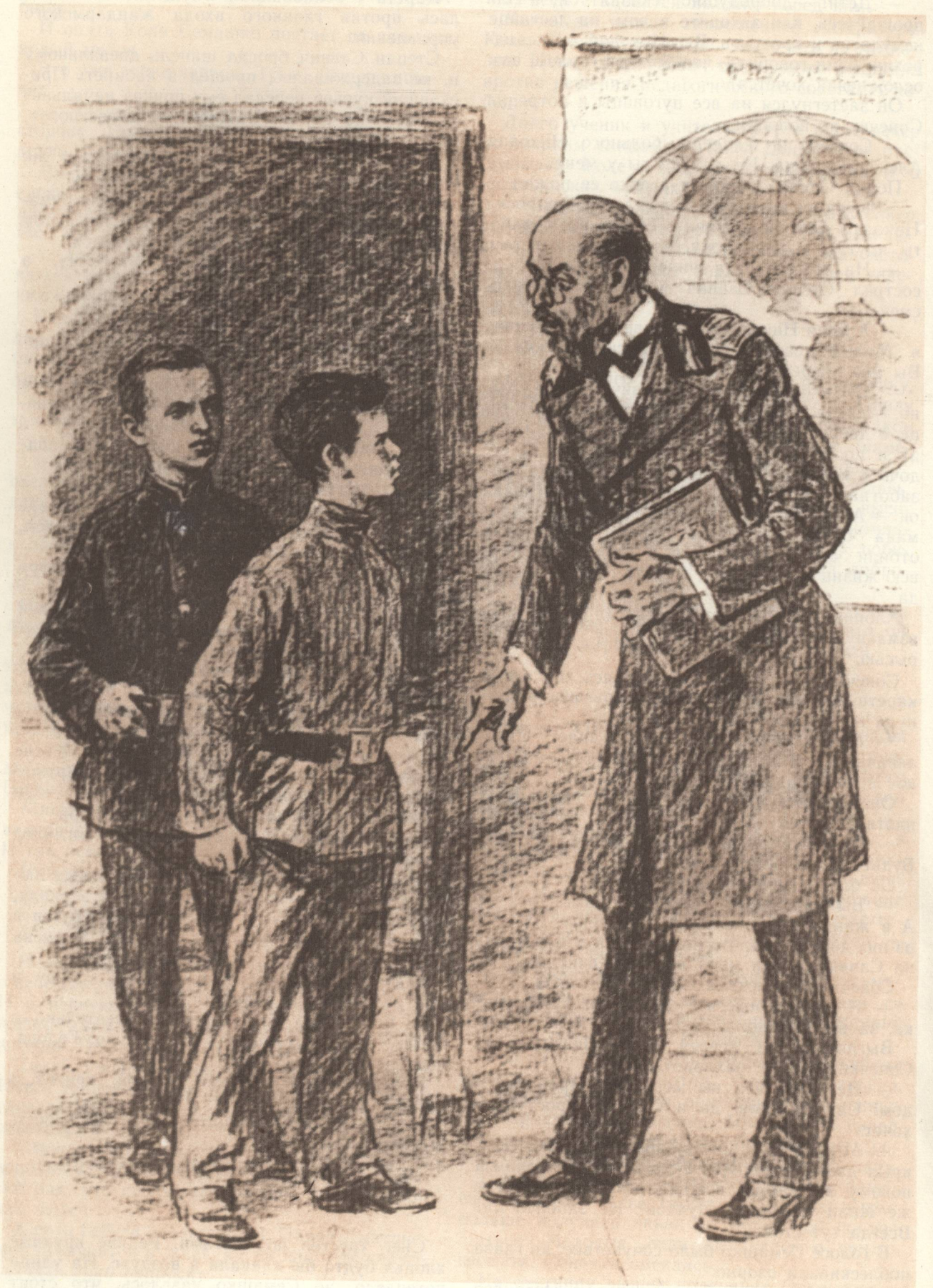
— Братъ их, ротмистр. И обязательно — обыск. В первую очередь у Семашко. Голова, подзреваю, он.

Повернулся на каблуках, прямой, строгий, и твердо приказал:

— Сейчас же получите ордер на арест. И действуйте.

— Слушаюсь, — вытянулся ротмистр.

Снег хрустел под ногами. Редкие крупные хлопья будто бы плавали в воздухе. На улице потеплело, но Семашко казалось, что стоит жуткая стужа.

Знобило. И очень болело горло.

Семашко сунул руку за пазуху, стараясь согреться, а пальцами другой руки свел концы коротенького и холодного воротника студенческой шинели. Теплее не стало.

Ноги были словно ватные. Кружилась голова.

Семашко остановился, чтобы передохнуть. Огляделся. Шпиков не было. Может, полиция объявила себе выходной по случаю его болезни.

«Лучше бы сесть на конку, — невольно подумал Семашко. — Могу не дойти...»

Какой-то бред был в голове: «А меня Николая пригласил на Ермолову, в Малый театр...»

Он вздохнул. Если бы Сонечка знала, что он и обедает-то не каждый день, — нужно заработать тридцать копеек! — больной, экономит на конке, заварной хлеб покупает только по воскресеньям. Если бы она знала!

Он остановился перед освещенной витриной, прочел: «Аптека». Придется зайти. Погреться.

Поднялся на крыльцо. Передохнул.

Вошел в небольшое помещение с привычным для медика запахом трав и лекарств. Сел на диванчик рядом с прилавком, устало вытянул ноги.

Думать больше не мог. Сидел в забытьи. И через прищур глаз видел, как ходит за прилавком маленький аптекарь в очках, протирает баночки на полках.

Иногда, будто бы случайно, аптекарь косился в его сторону.

На то и аптека, чтобы здесь посидеть мог любой.

...Что было потом, Семашко не помнил. Он вдруг почувствовал чью-то осторожную руку. Поднял голову. Аптекарь склонился над ним.

— Вы больны, сударь мой?

Семашко кивнул.

— Погреюсь у вас, если можно...

— Конечно, конечно, — сказал аптекарь. Сосчитал пульс, вздохнул: — Должно быть, высокая температура... А что болит?

Семашко глотнул и сразу зажмурился от острой боли.

— Горло? — понял аптекарь. — А ну-ка, откройте рот...

Откинул голову, поднес ближе лампу.

— Да, да, — сказал он. — Горло. У вас, сударь мой, тяжелая ангина. Нужно лечиться. Я предложу полоскание и другие лекарства...

Семашко вздохнул.

— Понимаю, — сказал аптекарь. — Я был тоже студентом, все понимаю. Но подарок — несколько гранул бертолетовой соли вы, надеюсь, возьмете?

Он шагнул к стеллажу, достал баночку с полки.

— Сделайте раствор и полощите. Средство сильное. Только, пожалуйста, будьте осторожным. Можно ожечься.

Сунул баночку в руки Семашко, похлопал его по плечу.

— Держитесь, сударь мой! А деньги —

ерунда. Они важны для тех, у кого их много. Полощите. Вы даже не представляете, как эта штука поможет.

...Семашко стонал во сне. Скидывал одеяло. Метался. Длинный тощий человек в «гороховом пальто», как называли тогда шпиков, мчался за ним по улице, настигал.

Семашко бежал тяжело. Еще никогда не были у него такими непослушными ноги. Будто гири подвесили.

Старушка хозяйка смачивала в холодной воде тряпку, прикладывала к его пылающему лбу. Семашко открывал глаза, обводил взглядом комнату, — сознание медленно возвращалось к нему.

— Что со мной, тетя Поля?

— Пройдет, Коленька. И пополоши-ка, батюшка, рот. Легче станет.

Через силу он шел к умывальнику и полоскал рот раствором бертолетовой соли.

Ему нужно было выздороветь. Он обязан был выздороветь.

Потом он опять погружался в беспокойный сон. Казалось, «гороховое пальто» все еще крадется за ним, приближается, готовится сжать горло. «Быстрее, быстрее! — бредил Семашко. — Они идут! Нет, я не дам! Не найду дете...»

Тетя Поля будила его. Он открывал глаза, нащупывал под подушкой список — новый состав Студенческого совета — и опять впадал в забытьи.

Казалось, кто-то трясет дом.

— Коля! Коленька!

Он видит испуганное лицо тети Поли, слышит ее шепот:

— Проснись, Коля! Жандармы.

Смысл внезапно доходит до Семашко. Он глядит удивленно на тетю Полю. Садится.

— Полиция?!

А список под подушкой. Что делать? Куда его деть? Отдать тете Поле? Но кто знает, не будут ли обыскивать ее жандармы? Не испугается ли она?

— Задержите их, тетя Поля...

Опасность возвращает ему силы.

— И погасите свет.

Она идет к дверям.

— Открывай! — кричат ей с улицы. — Тут живет студент Семашко?

— Больной он, хворый, — уверяет их тетя Поля.

— Открывай!

— Только в окно погляжу...

Она возится с форточкой, будто не может открыть.

Семашко торопливо шарит по подоконнику. Где-то запропались спички. Черт! А звать тетю Полю уже поздно...

Значит, съесть!..

Семашко рвет лист, но проглотить бумагу не может. Болит горло. Пот выступает на лбу.

Что делать?
Он бросается к умывальнику, но ведро пустое. Неудача! Тетя Поля только что вылила воду...

А задвижка щелкает.
Голоса полицейских рядом. В коридоре. В горнице. Сейчас войдут...

Семашко хватается чашку с раствором бертолетовой соли и заливает клочки. Затем ныряет под одеяло.

— Где студент? — слышатся голоса полицейских. — Куда идти, бабка?

— Сюда, сюда... Вот только засвечу лампу... У меня спички...

Чиркает коробок, свет падает через щель в комнату Семашко.

— Большой он, совсем большой, — причитает тетя Поля. — Сейчас бредил...

— Встать, — кричит жандарм. — Одевайся!

Они перерывают постель, трясут книги, переворачивают все вещи в комнате. Тетя Поля прижимается к косяку, глядит испуганно на своего квартиранта: «Ну, что такой может наделать? — не понимает она. — Совсем мальчик... Да он слова грубого не скажет, за все — спасибо, спасибо... Напутали что-то...»

— Разрешите пополоскать горло, — просит Семашко. — Тетя Поля, разведите остаток лекарства...

Жандармам не до него.

Семашко видит, как раствор бертолетовой соли размывает чернила.

«Хорошее лекарство, — думает Семашко. — Спасибо аптекарю. Я действительно не ожидал, что оно так пригодится...»

— Ничего нет, — говорит жандарм и подходит к умывальнику ополоснуть руки. Он успевает ударить по кранику и вдруг замечает клочки бумаги. Список!

Торопливо вытаскивает обрывки и пытается прочесть.

— Да... ду... де... — Буквы стерлись. Чернила расплылись от бертолетовой соли.

Второй подносит клочки к лампе.

— Ба... бу... бе... — шевелит губами.

Семашко улыбается, хотя едва стоит на ногах.

— Ва... ву... ве... — вроде бы пытается прочесть он.

— Бунтовщик! — кричит маленький жандарм. — Что здесь написано?

Семашко разводит руками.

— Откуда мне знать, господин...

— Ничего, — грозит жандарм, — сейчас вспомнишь... Собирайся.

Семашко снимает тонкий холодный шарфик, обматывает шею, застегивает шинель.

— Куда же ты больной пойдешь? — горюет тетя Поля.

Жандарм оттесняет ее.

— В тюрьме вылечат, — говорит он зло. — В тюрьме таких хорошо лечат. От всех болезней.

Они выводят Семашко на улицу, где на этот раз его ожидает закрытая карета.

Камера похожа на пенал: четыре шага до двери и два с половиной вдоль окна. Под потолком маленькое зарешеченное окошко с кусочком хмурого зимнего неба. Внутри — кровать, табуретка да полочка-столик, привинченная прямо к стенке, — вот и вся мебель.

Читать не дают. Только ходить и думать. Этого лишиться невозможно.

Семашко ходит по камере с закрытыми глазами — это вроде игры. Нужно пройти тысячу шагов, не открывая глаз и не натываясь на табуретку. Если не очень спешить, то на тысячу шагов можно потратить уйму времени.

«Раз, два, три... — считает Семашко, останавливается у холодной стены и сворачивает направо, — пять, шесть...»

И снова направо.

Какое бессмысленное занятие ходьба! Петь не положено. Кричать — тем более. Даже говорить с собой нельзя, тут же заглянет надзиратель, призовет к порядку. Не послушаешься — холодный карцер. Хлеб и вода, вода и хлеб — вся пища.

— Молчать! Тихо!

— Ишь, развеселился!

Семашко подошел к двери. Глазок закрыт, никто не смотрит. Прислушался.

Голос надзирателя далеко-далеко, в самом конце коридора.

Вернулся к стене, постучал соседям.

— Кто вы? Кто вы?

— Студент. Тюменское землячество. Вы?

— Елецкое.

— Знаете провокатора?

— Савельев, Калуга. Корыхалов, Вятка.

И опять: тук, тук, тук. Нужно не сбиться.

Настроение лучше. Теперь, если допрос, то Семашко будет знать, о чем говорить жандармам, о чем — нельзя.

Жандармы поторопились со своими «подсадными утками». Не много сведений им передали Савельев и Корыхалов.

И опять ходит Семашко по камере. Четыре шага до двери, направо, три шага вдоль стены, направо, шаг, теперь обойти койку, и еще три до стенки. Интересно, отчего не вызывают? Ждут, когда станет неважно, когда я сам буду требовать, чтобы позвали. Он поворачивается и опять три шага и шаг, потом отступить и снова три шага. Если бы дали читать. И лампу.

Металлически блякает задвижка, скрипит дверь. Это охранник приносит вечернюю похлебку.

— Братец, — говорит Семашко. — Я хочу молиться. Мне нужны книги. Евангелие, братец.

Охранник смотрит на Семашко удивленно и молча уходит.

Семашко ждет. Он уверен, книга у него будет. Как им хочется, чтобы он молился. Поверил в бога, а тогда и в царя. С верующим

Видно, что это не просто портрет, а изображение человека, занятого работой. Внизу рисунка, вероятно, находится подпись или название произведения, но оно нечитаемо.

Описание: Изображение человека за столом с книгой и лампой.

можно договориться. Поверил — смирился, тут уж не до бунта.

Снова Семашко ходит по камере. Вчера пять тысяч шагов, сегодня — восемь. А сколько он прошагал за тюремное время? Да и сколько он здесь? Месяц? Три? Или три года? Теперь уж не скажешь. Один день точный слепок другого.

Он услышал мягкие шаги у двери, припал ухом. Кто-то шел.

Мимо?

Нет. Шелкнула задвижка, проскрипела.

Семашко отошел к окну. Понял — это священник. Молодой, голубоглазый, как семинарист, с жиденькой бороденкой и совсем еще детским добродушным взглядом.

— Сын мой! — сказал священник и перекрестил Семашко. Голос у него был счастливым. — Ты решил окунуться в мудрый океан Евангелия. Ты решил обратиться к богу! Ты на верном и добром пути, сын мой.

— Да, я хочу разобраться во всем, — Семашко старался быть серьезным. — Мне нужна священная книга.

— Похвально! Я выполню твою просьбу, если ты просишь.

— А нельзя ли, — осторожно сказал Семашко, — Евангелие на французском?

Он поймал удивленный взгляд священника, пояснил ему.

— Чем труднее достается человеку божье слово, тем больше он в него верит.

— Ну что же, — согласился священник. — Слово божье усваивается разными путями. Я найду Евангелие на французском.

Он потолковал еще о спасении грешной души, о любви к царю, помазаннику божьему, подобрал рясу и вышел.

Теперь можно было и повеселиться. Семашко упал на койку и тихо, накрывшись подушкой, расхохотался: «Ключуло! Ключуло, черт побери! Они достанут французскую книгу, и я смогу заниматься».

И вот наконец можно читать, а не ходить взад и вперед по камере!

Охранник то и дело заглядывал в глазок. Студент часами не отрывался от божественной книги: он будто бы учил ее наизусть.

Ах, если бы Семашко мог, если бы имел право, он бы объяснил надзирателю, что революционер, думающий о мировой революции, должен знать не один свой язык, а много: революционеру предстояла большая и интересная жизнь.

Иногда священник навещал Семашко, садился в сторонке и кивал, слушая, как выразительно и красиво читает его «грешник» святое писание по-французски. Священник был доволен своим арестантом.

— Много успел, сын мой, — одобрял священник. — Может, есть еще просьбы?

Семашко смиренно опускал глаза.

— Нельзя ли похлопотать о других книгах, отец?

— О каких, отрок?

— Есть одна: о вреде алчности и толсто-сумства...

— Жадность — худое свойство, — соглашался священник. — Начертай, как называется эта книжка.

«Капитал» — написал Семашко, — и имя автора — Карл Маркс.

— Хорошо, — кивал довольный священник. — Я распоряжусь найти и такую.

...А через неделю Семашко держал в руках том «Капитала». Нет, не держал, прижимал к сердцу, гладил обложку. Он не ожидал такого подарка! Кто поверит, что за решеткой он сможет заниматься теорией революции, читать, думать, мысленно беседовать с самим великим Марксом!

Надзиратель заглядывал в глазок камеры. Семашко сидел неподвижно часами. Его лицо словно бы озарялось внутренним светом.

Священник прошел по коридору, остановился, положил на плечо надзирателя руку, прошептал:

— Ну, как ведет себя отрок?

— Мирно, — вытянулся перед ним надзиратель. — Святые книги читает.

Священник перекрестился.

— Снизойшла благодать божья на мятежную душу, — сказал он. — Теперь нужно передать начальству, чтобы звали его на допрос.

...В какой уже раз скрипнула и открылась дверь камеры заключенного Семашко.

— На допрос! — объявил надзиратель, дал собраться.

Семашко закрыл книгу, поднялся. Дорога известна: по тюремным коридорам, по лестнице, через двор — в следственный корпус.

Какое солнце на улице! И зеленые деревья! Как хочется протянуть руку, оторвать ветку, вздохнуть свободно, свободно, забыть хоть на секунду, что ты в тюрьме, что вокруг решетки и кирпичные стены.

Он не показал вида, что взволнован. Нужно быть готовым ко всему. Такой уж путь он избрал для себя...

Охранник вытянулся перед тюремным начальством.

— Арестант двадцать четыре—шестнадцать, — назвал он номер Семашко.

— Ступай.

Голос был хорошо знакомым, но в глаза било солнце. Семашко едва различил силуэт приблизившегося к нему человека.

— Никола!

Офицер распахнул объятая, как давний знакомый.

И вдруг Семашко понял — перед ним Степан Саввич Онущенко, Сонечкин отец, жандармский полковник.

— Какими судьбами! — говорил Степан Саввич. — Проглядываю списки и вдруг вижу нашего Никола! А мы-то не знали, что и подумать...

Он взял под руку Николая Александровича и повел к креслу.

— Как вы похудели, Николая! — сокрушался он. — И стали бледны!

Он крикнул кому-то:

— Чашечку крепкого чая, пожалуйста. И пирожных. Мой друг, Николай Александрович, давненько вроде бы не ел сладкого.

— Месяца четыре.

— Пять, — поправляет Степан Саввич. — Правда же, быстро течет время?

— Едва замечаешь.

Онущенко сам подкладывает сахар в чай. Семашко, садится рядом. Они будто бы дома. Только нет камина. И кабинет начальника тюрьмы, куда пришел шеф жандармов, выглядит не очень-то по-домашнему.

Бог мой, какая же прелесть — этот чай! Сколько раз, отхлебывая из железной кружки простую воду, мечтал Семашко о крепком чае! Он пьет не спеша, глотками. Смакует.

Он задерживает его во рту, растягивая удовольствие.

— Весна, весна-то какая, Николая! С улицы уходить не хочется! Шел на работу — не торопился, длинным путем шел, за такую весну, Николая, ничего не жалко, все бы отдал!

Степан Саввич останавливается за спиной Семашко, кладет обе руки на его плечи, тихо, с сочувствием спрашивает:

— Говорят, вы стали религиозны? Отец Михаил не на радуется! Похвально, друг мой.

— Да, кое-чему я здесь научился.

— Вы же знаете, как мы с женой вас любим, как переживали случившееся. А потом университет, потерять его — большая трагедия...

Он извлекает из письменного стола какой-то лист, протягивает Николаю Александровичу.

— У меня личная просьба. Поглядите внимательно список. Кто главный? А дальше — свободны...

Семашко берет бумагу. Какой огромный у них список! Все его друзья.

Полковник хочет не многого. Он мечтает сделать его, Семашко, осведомителем жандармерии. Ну и молодец! Вот, оказывается, для чего они выдерживали Семашко в камере. Давали ему поразмыслить.

Семашко изучает список. Дживелегов, Макаров, Смидович, Серов, он сам... Где же Савельев и Корыхалов, те провокаторы, благодаря которым были схвачены все?..

Семашко снова прочитывает список.

— Главных нет, — говорит он Степану Саввичу.

«Ключуло!» — Онущенко делает вид, что ничего не случилось. Если бы Семашко знал, как весело застучало сердце в груди жандарма.

— Может, еще чаю? — спокойно предлагает Степан Саввич. Он не спешит. Теперь-то Семашко скажет, кто главный. Вот что означает чтение священного писания. Смирение, смирение и покорность — это он давно хотел видеть у молодого человека.

Звонит начальственный колокольчик. И в дверях возникает жандарм.

— Еще чаю, голубчик, — просит Степан Саввич. — И пирожных нам с Николаем Александровичем побольше...

Онущенко садится с Семашко рядом и, улыбаясь, долго и доброжелательно на него смотрит.

— Ну, говорите, кто же главный? Кого мы позабыли включить в список?

— Корыхалова и Савельева, господин полковник.

Улыбка сходит с лица Онущенко, глаза стекленеют. Он опять старается спрятать свои чувства, поднимается, идет к окну.

— Спасибо, Николай Александрович, — говорит полковник, и его рука тянется к колокольчику. — Вы нам назвали важные кандидатуры.

Жандарм снова возникает в дверях.

— Увести! — приказывает полковник.

Он так и стоит спиной к Семашко, и когда студент и конвоир оказываются у двери, не поворачиваясь прибавляет:

— Не сомневаюсь, что вы очень пожалеете об этом. Очень. — И резко бросает жандарму: — В камере отобрать у арестованного карандаши и книги. Тюрьма не курорт. В бога верит! Расчувствовались! Социалиста исправили, как же!

Жандарм топчется, не решается спросить: можно ли уводить арестанта?

— В камеру! Под замок! Вон! — срывается Онущенко.

— Встать! Суд идет!

Подсудимые поднимаются со скамьи. Ждут. Тишина в зале. Даже слышна одышка государственного прокурора.

Конопатый судья тонким тягучим голосом оглашает приговор:

— За антигосударственную деятельность бывший студент Московского университета Семашко Николай Александрович, 1874 года рождения, русский, сословия дворянского, приговаривается к высылке из города Москва в город Елец в сопровождении жандарма для дальнейшей передачи под надзор местной полиции. Приговор обжалованию не подлежит.

ЭСТАФЕТА

ПЯТИЛЕТОК

ОТ первых участников социалистического соревнования

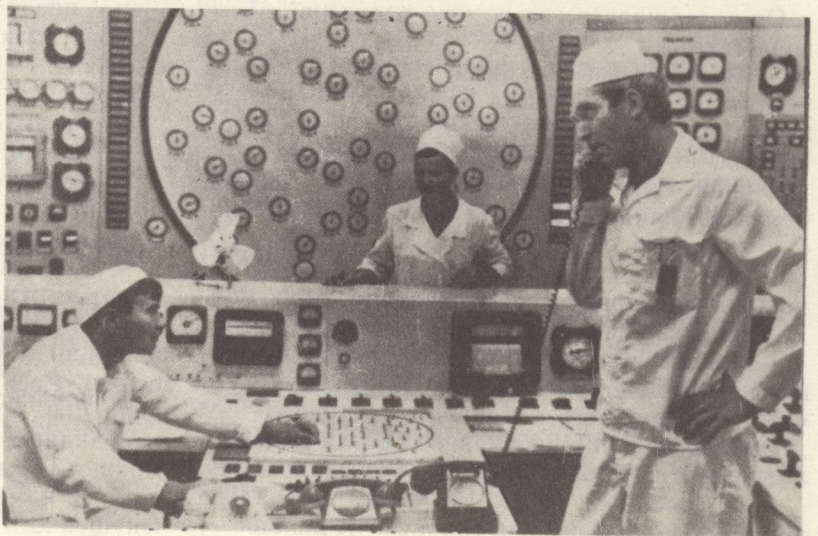
ДО многомиллионной армии ударников коммунистического труда

ОТ крестьянских кооперативов, где только мечтали о тракторах и землю порой обрабатывали так...

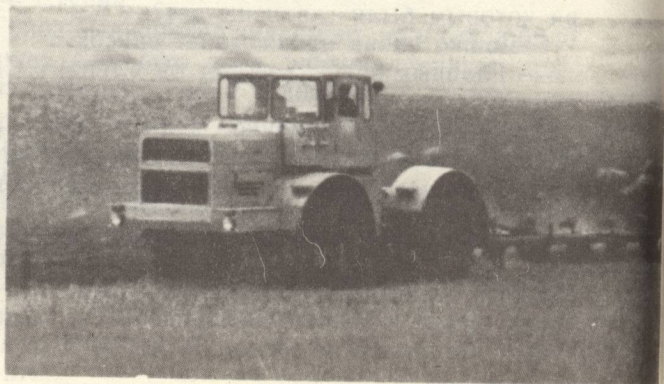
ДО современных сельскохозяйственных фирм

ЛЕНИНГРАД, завод „Красный выборжец“, первые участники социалистического соревнования

Белоярская атомная электростанция, лаборатория коммунистического труда

„... Шесть десятилетий — это меньше, чем средняя продолжительность жизни человека. Но за это время наша страна прошла путь, равный столетиям“.

Л. И. БРЕЖНЕВ

(Из Отчетного доклада
ЦК КПСС XXV съезду партии,
24 февраля 1976 года)

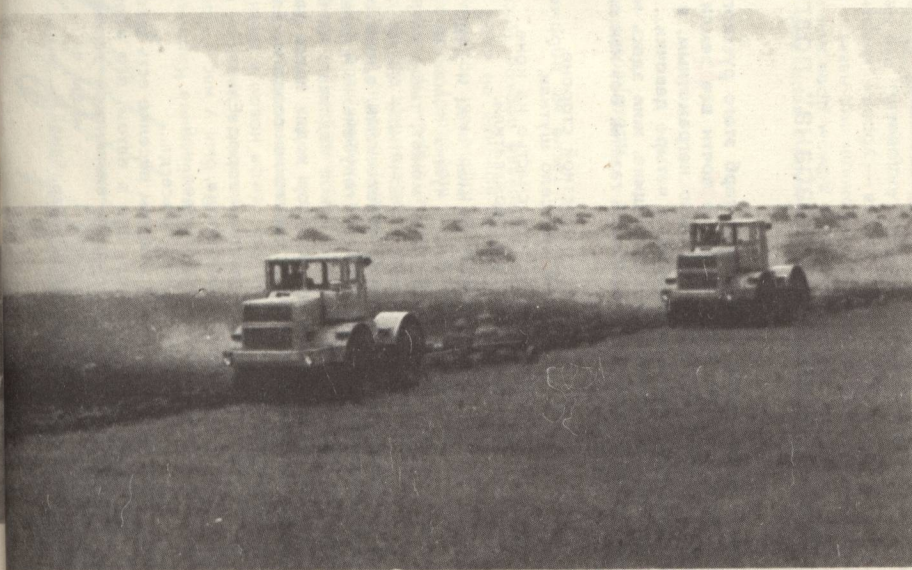

ОТ кружков по ликвидации неграмотности, в которых не хватало даже тетрадей и букварей

ДО всеобщего среднего образования и школ с телевизорами, кинопроекторами и магнитофонами

ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ

ШАГАМИ ПЯТИЛЕТОК

БАРАБАНЫ

ЖУРНАЛ ЮНКОРОВ

Оформление Г. Ковенчука

Идём дорогой Ленина, дорогой Октября!

Этот выпуск „Барабана“ подготовлен юнкорами Ельнинского района Смоленской области

Три ели в чистом поле — старинный герб этого русского городка на Смоленщине, оттого и Елья. Сто лет назад в Ельне почти все земли принадлежали двенадцати помещикам, большинство населения было неграмотным, в единственном приходском училище занимались сорок мальчиков и четыре девочки...

Поэт Исаковский родился на Смоленщине, жил здесь и после революции работал редактором первой советской ельнинской газеты. Вот как писал он о том, как когда-то жили дети на ельнинской земле:

Я вырос в захолустной стороне,
Где мужики невесело шутили,
Что ехало к нам счастье на коне,
Да богачи его перехватили.

Я вырос там, где мой отец и дед
Бродили робко у чужих поместий
И в каждой хате, может, тыщу лет,
Нужда сидела на почетном месте...

Дорога на Ельню петляет между перелесками, вдоль сине-голубых полей. Цветут люпин и лен, стройные тонкие стебельки с голубенькими легкими цветочками. На дороге можно встретить грузовую машину с яркой надписью на борту — «Разминирование». Давно отгремела война, а вот до сих пор ходят здесь такие машины. В 1941-м на ельнинской земле насмерть стояли советские солдаты. Ельню хорошо помнят твои дедушка и бабушка.

Скромный русский город Елья,
Городок как города,
Битвой четырехдневной
Ты прославлен навсегда...

В каждом колхозе и совхозе, в каждом поселке есть школа, учатся в ней ребята из окрестных деревень, кто в восьмом, кто в пятом, кто в первом классе... Созданы в деревнях следные отряды. Всего их на ельнинской земле 224: есть большие, есть совсем маленюкие.

И в отрядах — юнкорские посты «Барабана».

РАПОРТУЕТ ЕЛЬНИНСКИЙ ШТАБ ТИМУРА:

Каждый отряд изучает жизнь и деятельность В. И. Ленина, героические традиции КПСС, Ленинского комсомола, историю Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина.

Каждый пионер вырачивает красную гвоздику, чтобы продемонстрировать ее ветерану революции, войны, труда в день 60-летия Великого Октября.

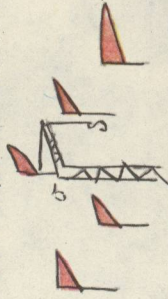

Участвуем в строительстве Дворца пионеров в Ханое. Заработали на субботниках и сдали в Фонд Солидарности 5000 рублей.

К 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции посажены сотни фруктовых деревьев.

Все пионерские дружины — участники Всесоюзной операции „Зеленый наряд Отчизны!“.

Пишется летопись предприятий и совхозов района, создается карта ударных строев десятой пятилетки.

О наших Взрослых

— Я стала вожатой из-за Ивана Михайловича Кирпичева, которому решила всегда и во всем подражать. Он был у нас в Лопатинской восьмилетке учителем и вожатым. Седой человек в красном галстуке, он умел всех заечь, откликнуться на все самое новое в пионерской работе. Вместе с Кирпичевым ребята отыскали место захоронения в лесу наших солдат; там был госпиталь в самой чаще. Иван Михайлович помог найти бывших работников этого госпиталя. Он учил нас быть последовательными, не отступать. Нашли красивые следопыты, что старей-старый Григорий Ульянов, еще участник штурма Зимнего, был представлен в Великую Отечественную войну к награде, но — время военное — бумаги затерялись. И добились ребята: был вручен орден ветерану. Работала трактористка тетя Паша Шарова на старом тракторе, еще довоенном. Как новый трактор получат, так дают его молодому трактористу, а до тети Паши очередь не доходит. Тогда предложил Кирпичев: подарим сами тете Паше трактор! И, собрав металлолом, дружина вручила ей свой подарок. На районном соревновании пахарей тетя Паша завоевала первое место. Слава пионерскому трактору!

И все дела нашего старого вожатого такие же добрые, нужные людям.

*Вера Шанина,
пионервожатая школы и.м. Глинки*

К огда Устинья Андреевна Заикина вернулась из больницы, она увидела, что сваленных перед домом дров как не бывало. Пионеры все расплели, раскололи и сложили под навес... А к ее приезду пришли девочки из пятого класса — убрали квартиру, принесли свежего хлеба. Так сложилась жизнь у Устины Андреевны, что нет у нее на свете никого роднее школьников. В войну она была связисткой. Однажды фашисты схватили ее, пытали, били плетьюми, а к ночи заперли в баньку. Люди спасли Устю, рискуя жизнью.

Сейчас Устинья Андреевна на пенсии, живет возле школы, часто рассказывает ребятам о дружбе и товариществе, о том, как спасли ее партизаны... В День Победы все ее земляки — ветераны войны — собираются к школе, и мы вместе идем к обелиску...

*Р. Иванова,
пионервожатая
Дубосищенской школы*

В колхозном медпункте работает фельдшер Зоя Ивановна. Девятый год ведет она кружок «Красный крест». Сейчас в кружке десять девочек. Мы научились оказывать первую помощь и делать искусственное дыхание. Однажды тракторист упал с трактора и сломал ногу. Девочки так наложили ему шину, что Зоя Ивановна хвалила: «Мне после вас делать нечего было».

*Ира Свиридова,
деревня Шарипово*

1917

1977

ДАЕШЬ „КРАСНУЮ ЛЕТОПИСЬ“!

В дни Октябрьской социалистической революции Симон Романович принимал участие в революционных боях в Москве, бывал юнкером из Кремля. Героически сражался с бандами Каледина и Краснова. Когда Ситников вернулся с фронта, его назначили членом коллегии губчека и начальником губернской милиции. Ветераны революции рассказывают, что враги очень боялись Ситникова, хотя свой револьвер он почти не вытаскивал из кармана.

Симон Романович Ситников награжден орденом Ленина.

*город Киров,
красные следопыты
Кировского Дворца пионеров*

К 60-летию Октября решили собрать материалы о наших земляках — участниках революции. Фотографии и воспоминания ветеранов мы помещаем в специальный альбом, который назвали «Красная летопись». В нашей «Красной летописи» уже много интересного.

Вот, например, мы узнали, как стал большевиком наш земляк Симон Романович Ситников. Он родился в бедной крестьянской семье, с двенадцати лет батрачил на помещика. Когда началась первая мировая война, парня забрали в армию. За отвагу и мужество на войне он получил звание полного георгиевского кавалера. Очень скоро понял молодой солдат, что сражаться нужно не за царя и помещиков, а против них. Ситников стал большевиком.

**ЖДЕМ РАССКАЗА ЮНКЕРОВ О
СЛЕДОПЫТСКИХ НАХОДКАХ. ПО-
СВЯЩЕННЫХ ЮБИЛЕЮ ОКТЯБРЯ.**

Моя Родина - СССР

Мне

мое село нравится. И наши односельчане тоже! Раиса Никитична, учительница, живет здесь всю жизнь, нашу школу кончила, потом — заочно — институт и уже много лет учит всех дубосищенских ребят русскому языку и литературе. И родные края это она научила нас любить.

Многие наши мальчики в кружке юных механиков занимаются, у инженера Володина. Уже и трактор умеют водить, и машину. Я тоже умею. Конную школу — шофером стану в нашем совхозе.

*Сергей Холменков,
6-й класс,*

Дубосищенская средняя школа

Красные следопыты разыскали тех, кто сражался в 22-й гвардейской Сибирской дивизии

под Ельней. В нашем школьном музее хранятся служебные книжки красноармейцев, письма с фронта, листки из тетради со стихами Исаковского «Освободителям Ельни». Рукопись стихотворения подарил музею сам поэт.

Школе скоро будет 70 лет. Каждый год бывает у нас вечер встречи. Приезжают Герои Советского Союза, врачи, капитаны дальнего плавания, ученые — все бывшие выпускники.

Нам пишут родственники тех, кто воевал под Ельней, обращаются с просьбами. Все новые задания получают наши красные следопыты...

*Гаяля Кривошеева,
7-й класс,
средняя школа им. М. И. Глинки*

ВЕСТИ ИЗ ДРУЖИН

Робята нашей деревни организовали отряд по заготовке кормов: силосовали, подвозили на лошадях зеленую массу.

Есть у нас свои доярки и телятницы. А мальчики — Володя Архипов, Коля Ермаков и другие летом помогали комбайнерам.

*Лена Пахоменкова,
председатель совета дружины,
деревня Шарово*

Однажды в бригаде «Болотово» заболела доярка. До этого Света Николаева из 7-го класса не раз помогала матери доить коров. А сейчас время было горячее — начался сенокос, и Света подумала: а что, если не отрываться от работы взрослого человека? Попробую сама справиться. Света летом два месяца проработала на ферме.

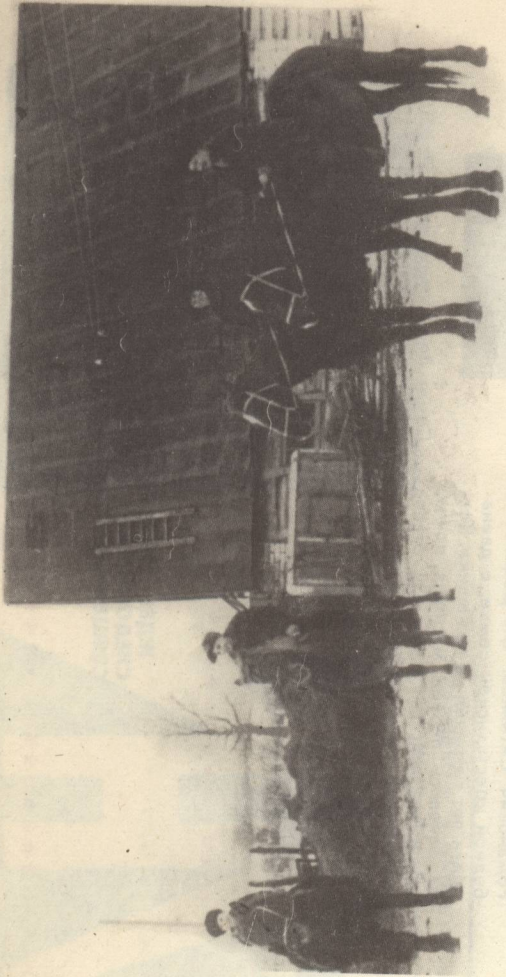
В нашем сводном отряде четырехнадцать пионеров. Обязанности есть у всех. Мы участвовали в операции «Лен», навязали три тысячи снопов, работали на заготовке сена и на уборке картофеля. Сдали нормы ПТО по лыжам...

*Переделкин,
председатель отряда,
деревня Федоровка*

Есть у нас искусственное озеро. «Зеленый патруль» охраняет его берега, очищает березовую рощу от мусора, подсаживает деревья. Особенно много хлопот зимой: делаем лунки, подкармливаем карасей хлебом и сухими насекомыми.

Кто-то из дома отдыха забросил удочку, поймал карася — и пошел! Стали приезжать к нашему озеру на машинах.

Однажды возвращаемся мы, «ар-

„Неуловимые“ — Володю Александренкова, Витю Мищенко, Витю Щелканова и Сережу Казакова иначе в Ивонинской школе и не зовут. Они еще второклассниками пришли на конюшню, ухаживали за конями, кормили их, чистили. Потом и сами стали ездить. С пятого класса работают на подвозе. И ведь как поставлено дело: нужно привезти из леса дров ветеранам войны или одиноким старикам, пионеры просят „неуловимых“, и те, никому не доверяя своих коней, перевозят дрова...

*Соборная
школа*

Седьмой „а“ — участник всесоюзной экспедиции «Моя Родина — СССР». Ребята побывали в деревне Глотовка, у сестры поэта Михаила Исаковского, разыскали среди жителей села сочинителей, записали их песни.

Песни эти вошли в репертуар школьного хора.

Ельнинская школа № 1 носит имя композитора Глинки, своего знаменитого земляка.

В обеих школах города Ельни — первой и второй — поют в хоре около шестисот ребят! Оба хора не раз побеждали на конкурсах. Подтянутые, аккуратные хористы задают тон всюду. Недаром нашу Ельню зовут «поющей».

*Г. Воронова,
школа № 1*

А в Дубосище шестиклассник Степан Худолеев и зимой и летом — всегда помогал отцу-дояру. Теперь он стал пастухом. «Подменять нас не надо, сами справимся», — говорят отец с сыном бригадирю перед выходом на работу.

Валерий Борисенков,
6-й класс, член совета дружины
Шараповской школы

тисты», с концерта из Лозаков и видим: стоит машина, мужчины вброд пошли: затягивают с центра сетку. Еле-еле их прогнали. Рыбу, конечно, выпустили. Этим гордимся! Неужели для заезжих браконьеров рыбу разводили?

Таня Азарова,
председатель сводного отряда
„Буревестник“, деревня Клоково

Хорошая доярка получится из шестиклассницы Людья Куртёнок

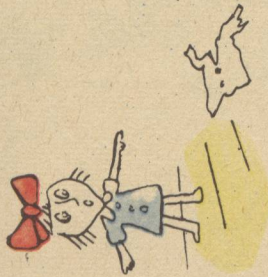
УДОСТОВЕРЕНИЯ ЮНЫХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ «КОСТРА»
За 1976 год вручены: Сергею Кручине (Мурманская область), Саше Панёвиной (Алтайский край), Оле Ким (Коряжский национальный округ), Лене Перепелица (Приморский край), Тане Рыковой (Красноярск), Вите Григорьеву (Ленинград), Гале Демьяненко (Краснодарский край), Миляше Валлиулиной (город Казань), Мануэлю Манукяну (Армянская ССР), Жене Инкиженовой (город Назарово), Свете Черныш (Белорусская ССР), Нине Савушкиной (Ленинград), Лале Мурадовой (Баку), Вадиму Федорченко (Якутская АССР), Саше Лаврову (Ленинград), Лене Сарановой (Волгоградская область), Марине Володиной (Пенза), Свете Рудяевой (Иркутск), Лене Безлепкиной (Москва), Володе Святану (Кустанайская область), Славе Троилину (город Орел), Коле Лахвичу (Гомельская область), Косте Сербиновскому (город Сумы).

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮНКОРОВ!

«БАРАБАН»

На дороге валялась тряпка. Кофта без рукавов. Маленькая Ира закричала, показывая на нее: «А тряпка-то безрукая!»

Света Балашова,
6-й кл., Джамбул

Учитель:
— Назовите любой глагол с частью «не».

Ученик:

— Не знаю.

Учитель:

— Молодец, садись!

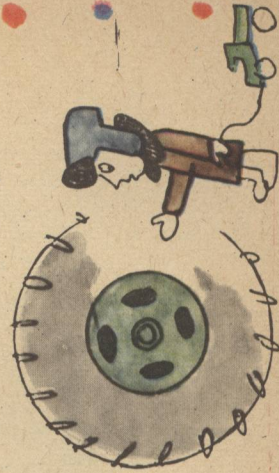
Надя Кудасова,
Целиноградская область

Маленький Костя спрашивает: «А что, резину из шин делают?»

Маленькая Ляля спрашивает: «Мама, когда я родилась, ты сразу узнала, что меня зовут Ляля?»

Эльвира Кубасова,
город Орск

— Что такое летопись?
— Это когда летом пишут.

Натasha Романова,
город Карасанда

Учитель:
— Иванов, из чего образуется облако?

— Из плохой погоды...

Тимбек Касымов,
Джамбульская область

На уроке географии учительница спросила Васю:

— Что такое болото?

— Испорченное озеро!

Таня Антонова,
Новосибирск

ПРИГЛАШЕНИЕ К ПОЛЕТУ

В. ТУЗОВ

Рисунок А. Орлова

ТРИ ШАГА В НЕБО

— Удачный полет — это удачная посадка, — говорят летчики.

— И хороший толчок перед взлетом, — добавляет Саша Кудленок.

— А ты разве летаешь?
— Давно, — обижается Саша, — еще с пятого класса. Летать — это так просто. Хотите попробовать?

— Да я не умею, Саша, и потом...

— Не бойтесь! Садитесь

здесь, застегните ремни, наденьте шлем. Если надо спланировать вправо, перемещайте тяжесть тела сюда, влево — наоборот, вперед — начнете снижаться. Давай, ребята, подтолкнем аппарат!

Три шага со склона горы,

толчок правой — и я... в воздухе.

Сижу в подвесной системе, затянутый парашютными ремнями, судорожно вцепившись в стропы, только вместо купола надо мной белое нейлоновое крыло с цифрой «7».

А внизу — бегут ребята, машут руками, что-то кричат, наверное, инструктируют.

Захватывающее, ни с чем не сравнимое чувство полета!

Но все-таки страшновато, и я кричу:

— Ого-го! Ребята! Я лечу!

Тянусь вперед, аппарат клюет носом, пикирует вниз и вот уже кусты, трава, лежу, накрытый крылом, — тишина.

Подбегают ребята, высвобождают меня из ремней, поздравляют с первым полетом.

— Ну что вы, ребята, всего несколько секунд в воздухе, — отнекиваюсь с затаенной гордостью.

— Ничего, — подбадривает Борис Августович Аунап — руководитель авиамodelьного кружка 176-й ленинградской школы. — Первый в мире полет на аэроплане братьев Райт в начале века длился всего три с половиной секунды.

— А теперь, друзья, когда товарищ корреспондент убедился, что наши аппараты летают, — сказал Борис Августович, — продолжим наши тренировки.

Мы поднялись в гору, и Витя Поляков доложил:

— К полету готов!

Три шага в небо, и Витя парит над землей.

Вот это да! Чувствуется летная школа: чтобы сопротивление воздуха было меньше, а полет дальше, Витя распластался под крылом аппарата и планирует, как заправский ас.

ТРЕУГОЛЬНОЕ КРЫЛО

Пока Витя летал, Борис Августович рассказывал:

— Дельтаплан в дословном переводе означает треугольное крыло. Это — простейший планер, размах крыльев — два с половиной метра, напоминает скорее большой воздушный змей.

Летаем мы на нем, как сейчас, оттолкнувшись с обрыва, а зимой — разогнавшись с горы на лыжах.

Скорость полета небольшая, до 30 километров в час, что обеспечивает безопасность при планировании и посадке.

Зато «качество» полета, то есть отношение длины полета к высоте при старте — 3,5. Это значит, что с горы высотой в 100 метров дельтапланерист может пролететь расстояние в 350 метров.

Правда, у планера тот же показатель равен 30, но и дельтапланеристы уже научились на своих несложных аппаратах показывать чудеса летной техники. В прошлом году один филиппинский спортсмен, стартовал с горы высотой в две с половиной тысячи метров, продержался в воздухе 21 час!

Что нужно, чтобы построить дельтаплан? Казалось бы, совсем немного: дюралюминиевые трубки, лавсан, крепеж, терпение, настойчивость и упорство.

„ПОХИТИТЕЛЬ ВЕЛОСИПЕДОВ“

Боря учился в шестом классе. От Бори стонала школа и рыдали в пионерском лагере: вся его кипучая энергия уходила на шутки.

О «великом шутнике» давно уже знали в детской комнате милиции, а на педсоветах говорили не иначе как об «особо трудном ребенке».

Летом, в пионерлагере в Васкелово, имя Бори прогремело в последний раз, когда он «увел» у зазевавшегося дачника велосипед. Правда, накатавшись, похититель доставил велосипед к электричке, но решение было единогласным: из лагеря исключить!

И тогда Борис Августович взял Бору за руку и привел в свой кружок, где Ваня Каляда, Юра Апрелев и два Саши — Полухин и Кудленок, уже конструировали первый дельтаплан.

— Вот это да! — удивился Боря и стал пропадать в мастерской все свободное время.

Сначала все вместе засели

за чертежи и аэродинамические расчеты, а затем каждый нашел себе дело по душе: Саши слесарили, Юра был модельщиком, парусных дел мастерицы Аня Горловская и Марина Аунап шили крыло, а первым летчиком-испытателем дельтаплана назначили Сашу Полухина.

„ОТ МОДЕЛИ — К ПЛАНЕРУ, С ПЛАНЕРА — НА САМОЛЕТ!“

Это лозунг «юных летателей» двадцатых годов.

Сергей Павлович Королев, Александр Сергеевич Яковлев, Юрий Алексеевич Гагарин, Георгий Тимофеевич Береговой начинали в школьных кружках юных авиамodelистов.

Сегодня ребята из 176-й школы говорят: от дельтаплана — к вертолету, с вертолета — в ракету!

Когда директор школы Маргарита Евгеньевна и старшая пионервожатая Ира Федорова привели меня в школьный музей, я подумал, что этот музей больше похож на конструкторское бюро или мастерскую.

В музее визжали напильники и урчал мотор. Володя Потемкин и Витя Поляков запускали винт маленького вертолета, управляемого по радио. На голубом боку вертолета я прочел знакомое имя: «КАРЛ-СОН». Оказывается, это сокращенное название — киноаппарат радиоуправляемый с оптическим наведением.

Не только «Карлсон» живет в школьном музее. Рядом модели планеров и парашютов, воздушный шар, тренажер для дельтаплана... Под стеклом фотографии советских космонавтов и Главного конструктора С. П. Королева, в музее которого в Москве ребята недавно побывали. Здесь же — искусно сделанная копия вымпела, доставленного нашей автоматической станцией на Луну, и почти готовые модели «Союза» и «Аполлона»...

Боря заскрипел напильником: Что он опять мастерит? Дельтаплан?

ПОИСК*ЗЕЛЁНЫХ*СТРАНИЦ

ВСЕМ,

ВСЕМ,

ВСЕМ!

Начинаем поиск редких и необычных растений!

К пионерам обращается директор Ботанического сада Академии наук СССР доктор биологических наук Георгий Иванович РОДИОНЕНКО.

ВСЕМ, КТО ХОЧЕТ ПРИНЯТЬ УЧАСТИЕ В ПОИСКЕ, НЕОБХОДИМО НАУЧИТЬСЯ НЕ ТОЛЬКО СМОТРЕТЬ, НО И ВИДЕТЬ.

Я живу в Ленинграде, а вы, ребята, скажем, — в Якутии или на Урале. Я хорошо знаю, какие деревья и кустарники растут в лесах под Ленинградом, а какие — в якутских или уральских лесах, даже если никогда там не был. А вы, может быть, имеете

смутное представление о лесах под Ленинградом, но каждый из вас, я уверен, хорошо знает свою тайгу или тундру.

Каждый внимательный человек знает, что растет в лесах родного края. Но особенно внимательный наблюдатель может открыть необыкновенное и в хорошо знакомой природе.

Однажды наш Ботанический сад получил сообщение: под Киевом растет инжир! Нам писали, что это инжировое дерево не только растет, но и плодоносит. Это было очень интересно и неожиданно: ведь мы знали, что севернее берегов Крыма

инжир в нашей стране нигде не встречается.

На улицах многих городов сейчас высаживают голубые ели. Семена этого растения мы в свое время получили из Западной Европы (а родина голубой ели — Северная Америка). Позже дикорастущая голубая ель была обнаружена в тайге близ небольшой сибирской деревушки.

Издавна на городских улицах и в парках подстригают деревья и кустарники, чтобы придать им правильную (например шаровидную) форму. Но уже в прошлом веке в лесопосадке возле одной из железных дорог была обнаружена ива шаровидной

формы, которую никто никогда не подстригал. Уникальное явление — самостригущая ива! Она ежегодно сбрасывает концы молодых побегов, а следующей весной пускает новые побеги и так сохраняет шаровидную форму.

В Ленинграде была выращена осина невиданной ранее пирамидальной формы, в Зауралье найдена ель с длинными свисающими ветвями (плакучая форма). Было даже сообщено, что где-то на Урале видели дуб с пестроокрашенной листвой.

В природе есть еще много интересных и необычных растений. Поиск, в котором мы предлагаем вам участвовать, имеет очень важное значение и для науки, и для практики (например, для лесного хозяйства и для зеленого строительства). Ведь если теплолюбивое растение сумело акклиматизироваться в краях с холодным климатом, значит, можно и другие растения этого вида «переселить» севернее. Интересно также изучить, как растение сумело приспособиться к новым условиям и как эти условия повлияли на растение.

Новые формы растений, которыми можно украсить городские улицы и парки, очень важны для зеленого строительства. Например, карликовые и стелющиеся формы очень нужны для районов Крайнего Севера. Они хорошо зимуют под теплым снежным одеялом. А обычные деревья там не переносят морозов.

В некоторых местах встречаются растения, которые являются памятниками природы. Так, на Черноморском побережье Кавказа в небольшом количестве сохранилась реликтовая сосна, называемая Пицундской. Это остатки очень древних лесов, существ-

вавших еще в третичном периоде, то есть более десяти миллионов лет тому назад.

Существование остатков вымирающей или вымершей растительности, возникновение новых форм растений, акклиматизация растений в «чуждых» условиях — все эти редкие явления чрезвычайно интересны для науки.

Итак, каждый из вас, ребята, может помочь ученым Ботанического сада Академии наук СССР в поисках редких и необычных растений, интересных и нужных народному хозяйству.

СООБЩАЙТЕ, ЕСЛИ ВСТРЕТИТЕ:

1. Редкие, необычные для ваших мест растения. Такие сообщения надо сопровождать небольшим гербарием (размером приблизительно с тетрадный лист).

2. Деревья и кусты необычных размеров: карликовые или гигантские.

3. Деревья или кусты, связанные с каким-нибудь знаменательным историческим событием или с исторической личностью (например, в Ленинграде есть дуб, посаженный Петром Первым).

4. Деревья или кусты обычных видов, имеющие необычную окраску или форму листьев, а также цветков.

5. Необычные формы хорошо известных и обычных для вашей местности растений.

Ваши донесения о находках должны сопровождаться зарисовками, фотографиями, небольшим гербарием (см. пункты 1 и 4) или данными обмеров (см. пункт 2).

Знайте, ребята, что такой поиск — очень трудное дело: не имея опыта, легко ошибиться и затеять бесплодную переписку. Поэтому, прежде

чем посылать сообщение нам, посетуйте с учителем ботаники, с лесником, с агрономом. За консультацией можно обратиться на биологический факультет ближайшего университета, педагогического или сельскохозяйственного института, а также в ближайший ботанический сад (их у нас в стране более ста).

Те растения, которые представляют интерес, будут взяты на учет, о чем вы получите сообщение, и исследованы.

Ценные растения в дальнейшем нужно будет взять под строжайшую пионерскую охрану. Без охраны они могут погибнуть. Так, инжировое дерево, о котором я говорил выше, было срублено без всякой необходимости.

Оформление
О. Филипенко

СООБЩЕНИЯ О НАХОДКАХ ПРИСЫЛАЙТЕ В ЖУРНАЛ «КОСТЕР»
С ПОМЕТКОЙ: «ЗЕЛЕННЫЕ СТРАНИЦЫ — ПОИСК».

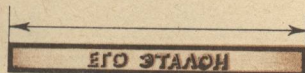
Вниз по лестнице точности

Метрология и метеорология — эти науки иногда путают. Однако между ними нет ничего общего. Метеорология изучает состояние атмосферы, а метрология — наука об измерениях. Любых, всяких, какие только возможны.

Чем же занимаются ученые-метрологи? Ну, конечно, измеряют. Не только измеряют. Главная их обязанность — обеспечить условия, возможности для точных измерений, создавать и хранить эталоны.

В Институте метрологии имени Менделеева хранится более 50 государственных эталонов, и рассказать обо всех них — не хватит целого журнала. Мы возьмем только несколько. Их не назовешь самыми важными, потому что для человека одинаково важны любые измерения. А мы возьмем очень распространенные измерения.

МЕТР

Этому стержню из платино-иридиевого сплава 87 лет. Обращаются с ним очень и очень бережно: никто, даже директор института, не имеет права достать его, потому что сейф может открыть только комиссия из трех человек, каждый из которых имеет свой ключ с замысловатой бородкой.

Для чего такие предосторожности? Ведь платино-иридиевый сплав — очень надежный материал, он не боится ни влаги, ни кислот, ни щелочей, ни механических ударов. Что из того, если кто-то подержит

его в руках? Оказывается, этот безукоризненный, непогрешимый метр, на который должны равняться все остальные, если подержать его в руках, вырастет, удлинится от тепла рук.

Тогда как же быть? Из чего сделать постоянный, неизменный метр?

Давно уже ученых волновал этот вопрос. И вот возникла идея — использовать для измерений длины световую волну. Идея была тем хороша, что длина световой волны всегда постоянна.

Работа над «световой линейкой» привела к тому, что была создана трубка, заполненная газом криптоном. Она заключена в специальную камеру, где поддерживается постоянная, до сотой доли градуса, температура.

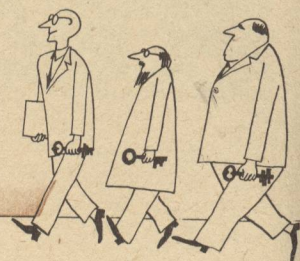
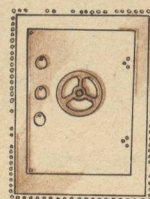
Когда с этим эталоном работают, присутствие человека в камере нежелательно, поскольку температура его тела влияет на точность измерений. Поэтому пульт управления

ние, а за показаниями установки метрологи следят через зрительную трубу.

КИЛОГРАММА

Столь же деликатно и осторожно ученые обращаются с эталонной килограммовой гирей. Отведенная для нее

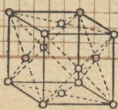
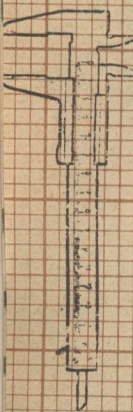
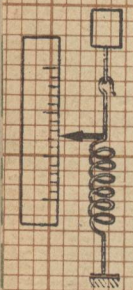

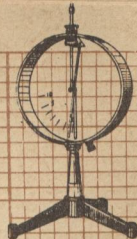
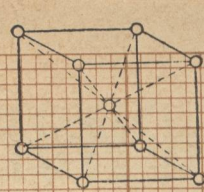
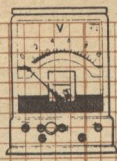
комната — как термос, с двойными стенами, в ней всегда 20 градусов Цельсия. Когда сотрудник лаборатории измерений массы выходит из комнаты, установив на весах гири — эталонную и другую, которую нужно сверить с эталоном, — он примерно сутки выжидает, чтобы в помещении восстановилась прежняя температура. И лишь после этого приступает к взвешиваниям.

Не то что пылинки, ни один случайный луч света не должен упасть на веса. Поэтому

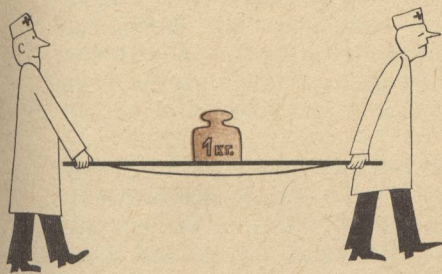
установкой, различные вспомогательные приборы вынесены наружу, в соседнее помеще-

они поставлены в зеркальный футляр, отражающий свет, а футляр покоится на специальном виброзащитном фундаменте, не связанном со зданием.

Государственным эталоном килограмма метрологи пользуются очень и очень редко,

примерно раз в 10 лет: любое прикосновение к нему отделяет невидимую частицу гири, изменяет ее массу.

Для сличений, проверок берут так называемый свидетель эталона; с ним сравнивают рабочие эталоны; с рабочими — образцовые, и так — до торговой гири. Вниз по лестнице точности... Кстати, торговой килограммовой гире разрешено уже «ошибаться» на 600 миллиграммов!

ЭТАЛОН

В другой лаборатории института занимаются созданием эталонов, которые воспроизводят и измеряют пустоту — вакуум. С вакуумом каждый из нас знаком. Лампочка не-

большой силы света — из нее почти полностью выкачан воздух. Но вот насколько сильно разрежен воздух в лампочке? На этот вопрос, наверно, ответит далеко не каждый из вас.

Давление воздуха в лампочке — всего тысячная доля миллиметра ртутного столба. Сравните, насколько это меньше нормального атмосферного давления в 760 миллиметров. Однако на предприятиях электротехнической промышленности получают такой вакуум без особых трудностей. А ученые-метрологи озабочены тем, как добиться космического вакуума — почти полной пустоты. Ведь именно она нужна, например, физикам-ядерщикам, «разыгрывающим в ускорителях баталии» между элементарными частицами. Но как получить такой вакуум? Как проверить, достигнут он или нет? На вакуумный насос можно рассчитывать лишь до тех пор, пока молекулы воздуха в сосуде, как говорится, кишмя кишат.

Наступает такой момент, когда насос уже не улавливает или почти не улавливает эти молекулы: ведь это только кажется, будто воздушная среда податлива, текуча; молекулы воздуха, когда их немного, прилипают к стенкам сосуда и никакими силами их не оторвать. Тогда начинают прогревать емкость: «выпаривают» молекулы.

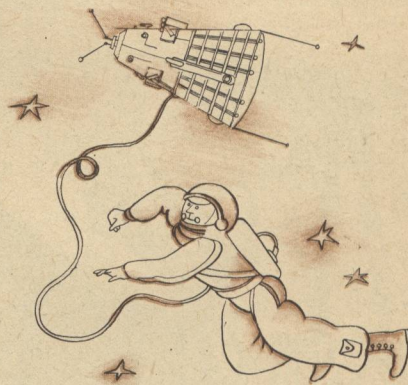
...В одной из комнат лаборатории измерений вакуума находится огромная, едва не до потолка колонна. Равномерно постукивает вакуумный насос, горят зеленые лампочки индикаторов.

Внутри печи внушительных размеров стеклянная труба, в которой при температуре около плюс 450 градусов Цельсия — вакуум. Но еще не та-

кой, какой нужен ученым, не сверхвысокий.

На трубе сделаны специальные карманы-ловушки, в которые заливается жидкий азот. Температура его — минус 269 градусов, и молекулы, ударяясь об охлажденную поверхность, прилипают к ней, как мухи к липучке. Так ученые получают сверхвысокий вакуум.

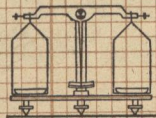
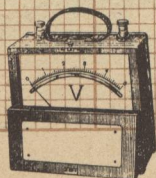
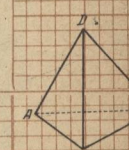
Эталоны... Что из того, спросите вы, что метрологи достигли почти идеальной точности измерений? Какой прок был бы от их достижений, если бы этой точностью не могли воспользоваться на заводах, на фабриках, в научных лабораториях? Вот почему именно метрологи разрабатывают и создают приборы, установки, аппаратуру для передачи этой точности ученым и производственникам.

Со ступеньки на ступеньку, вниз по лестнице точности, идеальные метр, килограмм, ампер и множество других единиц расходятся по всей стране.

В. ЛЫСОВ

Рисунки
Б. Петрушанского

ПРИВЕТ ТЕБЕ, МИТЯ КУКИН!

ПОВЕСТЬ

ЛЕВ КУЗЬМИН

Рисунки Ю. Шабанова

Старая бревенчатая школа темнеет среди голубых мартовских снегов. На покакую, сугробную, всю в длинных сосульках кровлю падают легкие тени сосен. По вешней погоде снег с влажных веток обрушился, деревья стоят лохматые, а над ними — синь, солнышко и кучевые прохладные облака.

В этой деревенской школе — интернат для детей-ленинградцев.

Маленькие ленинградцы ждут здесь конца войны вот уже второй год. Многие из них и теперь еще нет-нет да и принимают добродушное тарактение колхозного трактора за напол-

зающий издали угрюмый рев вражеского бомбардировщика, испуганно вздрагивают, если хлопнет от сквозняка форточка, и все-таки сейчас они уже заметно пришли в себя, к сельскому житью привыкли, как давно и крепко привыкли друг к другу.

Здание школы небольшое. Повариха и нянечки в ней здешние, деревенские, приходят сюда только на работу, и постоянных жильцов в интернате немного: десяток девочек да полтора десятка мальчиков. Все они малыши в возрасте от шести до девяти лет. И только двое — Елизаров и Кукин — чуть постарше. Единственная воспитательница и учительница ребят, маленькая решительная женщина, в старомодном пенсне, Павла Юрьевна, занимается с Елизаровым и Кукиным отдельно, по программе третьего класса. Таким своим особым положением оба мальчика гордятся, держатся всегда вместе, даже топчаны в спальне у них стоят рядом.

Но все же полного равенства в этой дружбе нет. Кукин находится у Елизарова в некотором подчинении. Правда, в подчинении добровольном. Он очень уважает Сашу Елизарова. Уважает за высокий не по годам рост, за умение произносить по утрам звонко и весело, на всю спальню, английское приветствие «гуд мунинг!», за ловкость в драке, если таковая случается с деревенскими, ужасно напористыми в бою мальчишками; за нежадность и за многое, многое другое, даже за прическу «чубчик». Прическа кареглазому говорливому Елизарову

очень идет. Он храбро ее отстоял перед Павлой Юрьевой, когда всех мальчишек стригли наголо.

Митя Кукин отлично понимает, что всех этих замечательных качеств у него самого нет и, наверное, никогда не будет.

Митя знает, что он хотя и силен, и крепок, да слишком низкоросл. Он знает, что его круглое девчоночье лицо густо залепили веснушки, что в случае чего сдачи он дать никому не может — ему для этого надо рассердиться. А сердиться он не умеет совсем. Нрав у него добродушный, покладистый.

Но это все мелочи. Главная причина преклонения Кукина перед Елизаровым та, что у Саши есть отец, а у Мити отца нету.

Правда, одно время и Саша начал было думать, что остался без отца. Отец у Саши балтийский моряк, на войне с первых дней, и в то время, когда Саша еще жил с мамой в Ленинграде, письма присылал часто. А потом фронт подступил к самому городу, и переписка оборвалась. С мамой Саше тоже пришлось разлучиться. Он оказался здесь, в интернате, а мама из Ленинграда уехать не могла, потому что была военным врачом. На прощание, то выхватывая из кармашка гимнастерки платок и утирая слезы, то нарочито бодро похлопывая грустного Сашу по плечу, она говорила:

— Вот мы и врозь... Теперь я каждый день стану ждать твоих писем. Твоих и папиных. Ты ему тоже пиши! Пиши по его последнему адресу. Я верю: он откликнется...

И вот Саша посылал отцу письма по старому адресу изо дня в день почти целый год, но ответа все равно не получал и совсем бы упал духом, если бы не Митя Кукин.

Митя тоже говорил:

— Ничего! Ты, главное, сам пиши. Пиши, пиши, а потом однажды утром встанешь, а на тумбочке у тебя ответ от папы!

И так оно все и случилось. Прошлой осенью, как раз первого сентября, Саша проснулся, глянул, как всегда, на тумбочку — а там письмо. Настоящее треугольное воинское письмо!

Митя письмо тоже увидел. И хотя письмо было не ему, он обрадовался так, как будто получил письмо сам, и побежал вместе с приятелем по всей школе, закричал:

— Ура! Сашкин папка нашелся! Сашкин папка нашелся! Он в госпитале раненый лежал!

А потом на душе у Мити сделалось ни с того ни с сего неприятно. Он затосковал, кинулся в темный чулан под чердачную лестницу, обнял там связку березовых черенков для метел и заплакал. Заплакал от жалости к себе.

Он заплакал потому, что у него, у Мити Кукина, отец уже никогда не найдется. Отец у Мити Кукина никуда не пропадал, он просто умер давным-давно, когда Митя был еще маленьким.

А вот мать и сестренки у Мити живы, но потерялись...

Раньше, до того как случилась война, жил Митя с матерью и двумя сестренками, Дашей

и Машей, недалеко от Ленинграда, в совхозе «Дружная Горка», а когда началась эвакуация, то все они поехали в товарном, переполненном людьми поезде на Урал.

Но Митя до Урала не доехал. Доехал он только до какой-то ленинградской сортировочной станции.

Там поезд стоял долго, была жара, всем хотелось пить. Митя взял пустой чайник и, никому ничего не сказав, пошел к водонапорной колонке.

У колонки шумела толпа. Все лезли, кричали, толкались. Митя тоже стал пробиваться к крану. А когда пробился, набрал полный чайник и вернулся на перрон, то на том месте, где стоял его поезд, увидел только рельсы, догорающий желтым светофор да убегающее пыльное пятнышко вдаль. Поезд ушел, увез неизвестно куда маму, Дашу и Машу, и Митя остался один с полуведерным чайником в руках.

Он как встал у самых рельсов, так и застыл тут столбиком, и не мог от ужаса ни кричать, ни плакать. Лишь смотрел и смотрел туда, где исчез поезд, и ждал чуда: где-то там, за горизонтом, поезд остановится, мама с сестренками прыгнут и прибегут обратно.

Чудо, может быть, и произошло бы. Мама, если бы могла, за Митей бы, конечно, вернулась. Да весь этот день и второй день с той стороны шли только воинские срочные эшелоны, на сортировочной станции они даже не замедляли хода, а потом голодного, от усталости и тоски мало что понимающего Митю подобрали на перроне женщины с красными повязками, и вот он — хотел не хотел — очутился в интернате.

Чайник тоже здесь. В нем разносят чай во время обеда, и малыши называют его «Митин чайник»...

Под лестницей Митя плакал недолго. Других укромных местечек в интернате нет, Саша быстро его разыскал, вошел в темноту, услышал жалостное Митино сопение и сразу все понял. Он погладил Митю по спине, по испачканной в пыли куртке и сказал:

— Не плачь, Митя. Вот увидишь, найдутся и твои... Тут главное терпеть, терпеть и — вытерпеть. Ты же сам так говорил.

Письма Саше Елизарову стали приходить часто, и в один прекрасный день Павла Юрьевна положила на Сашину тумбочку не всегдашний треугольник, а настоящий конверт.

Он был твердый, довольно толстый, — по всему было видно, в конверте находится что-то очень важное.

Павла Юрьевна, наверное, думала так же. Она положила письмо, стала дожидаться, когда Саша его распечатает. А Саша конверт осторожно разорвал, и оттуда выпала большая, с глянцевым блеском фотокарточка.

Саша так прямо и вцепился в нее. Он ведь столько времени не видел отца, что уже и забывать стал, какое у него лицо, какие глаза. Но как только глянул, так отца узнал сразу, в одну секунду. Узнал, несмотря на то, что на карточку снялся отец не один, а с товарищем и, кроме того, отпустил усы.

Товарищ отца был тоже усатый, но чуть помоложе, и улыбался так, что лукавые глаза его совсем зашурились, и от них разбежались веселые морщинки.

Отец с товарищем стояли в обнимку. Стояли не где-нибудь, а на палубе корабля, у стального поручня. И по этому поручню, по краешку железной палубы было совершенно понятно: корабль этот — боевой! И стоят на нем Сашин отец и его друг, тоже в полной боевой морской форме. Да мало того, что в форме, на кителе у каждого — орден Красной Звезды.

На другой стороне карточки с угла на угол разбежалась четкая надпись:

«Враг будет разбит, победа будет за нами! Пусть Гитлер помнит Сталинград, пусть помнит красных моряков на Волге!

Капитан II ранга С. Елизаров.
Лейтенант Н. Бабушкин».

Павла Юрьевна как глянула на фотографию, так сразу похлопала по карману безрукавки, вынув тонкое, в блестящей оправе пенсне, зашипнула пружинками переносицу и, отнеся от себя фотографию на всю длину руки, произнесла:

— Ох, Саша! Какой у тебя геройский отец... И лейтенант Бабушкин тоже герой, хотя о своих подвигах они ничего и не пишут... Когда станешь посылать ответ, не забудь поздравить с наградой товарища капитана и товарища лейтенанта от всего интерната и от меня лично.

Она положила фотографию, повернулась к окну, почему-то вздохнула и быстро пошла к двери. А Саша крикнул ей вслед:

— Напишу! Обязательно напишу! — А еще он громко добавил: — Май-о-о!

И это на языке североамериканских индейцев значило: «Хорошо! Прекрасно!»

Саша умеет разговаривать не только по-английски, а почти на всех языках всего мира. Правда, из каждого он знает лишь два-три словечка, он вычитывает их из приключенческих книг, но все равно Павла Юрьевна однажды назвала его «полиглотом». Назвала при всех, и все интернатские жители сначала смутились, потому как подумали: слово это ругательное. Но когда Павла Юрьевна объяснила, что так называют людей, знающих много иностранных языков, то и Митя и все малыши стали уважать Сашу еще больше.

Ответ Саша послал в тот же день. Передал ли он там капитану Елизарову и лейтенанту Бабушкину привет от Павлы Юрьевны — неизвестно, а вот про Митю Кукина написал. Он сам прочитал эти строчки Мите вслух. Строчки были такие:

«У тебя есть друг, и у меня есть друг. Его зовут Митя Кукин, и у нас с ним все вместе.

У Мити Кукина никого нет, ни отца, ни матери. А есть у нас заведующая Павла Юрьевна, завхоз Филатыч и петух Петя Петров. Когда был мороз, Митя прятал петуха под своей кроватью, а еще Митя колет дрова для кухни, носит воду, а я ему помогаю. Мы бы с ним тоже снялись на карточку, да фотографа у нас тут нет. Так что снять на карточку нас некому, не обижайся».

Капитан второго ранга Елизаров, конечно, не обиделся. Он сам в ответном письме прислал Мите поклон, а лейтенант Бабушкин даже приписал чуть пониже капитанских строчек большими буквами: «Привет тебе, Митя Кукин!»

Митя как увидел приписку, так сразу выхватил письмо из Сашиних рук, отбежал в сторону и прижал письмо к животу.

— Что хочешь делать, Сашок, а письмо отдай мне! Хочешь, я тебе за него свою новую шапку на твою старую сменяю?

— Не надо мне твоей шапки, — ответил Саша. — Что я, буржуй, что ли, на письмах наживаться? Если надо, так бери...

И вот с тех пор письмо с приветом от Бабушкина Митя носит всегда в нагрудном кармане курточки и перечитывает его не меньше чем по два раза в день: утром после подъема и вечером перед сном. А когда на сгибах появились дырки, Митя подклеил их вареной картошкой, газетной бумагой, аккуратно сложил письмо и опять убрал в карман.

Митя и сам бы послал лейтенанту Бабушкину письмецо, да начинать переписку первым все не решался. Писарь он был никудышный, очень боялся наделать в письме ошибок и тем самым испортить у лейтенанта Бабушкина о себе впечатление. Митины успехи за партией не очень-то велики. Он хотя и старается, и плохих отметок у него почти не бывает, но и хорошие проблескивают редко.

— Середнячок ты у нас, Митя, — нет-нет да и скажет Павла Юрьевна, когда ставит очередную тройку. Вздыхает и тут же спохватывается, начинает утешать: — Ничего, ничего, порою способности приходят позже. Так случилось со многими умными и впоследствии очень знаменитыми людьми. Главное, чтобы человек был надежным. А ты, Митя, человек вполне надежный. Ты у нас, можно сказать, мужчина в доме! Без тебя с нашим хозяйством мы бы не знали, что и делать...

От таких речей Митино конопатое лицо расцветает, белесые ресницы над зелеными глазами начинают смущенно и радостно трепетать.

Все, что говорит Павла Юрьевна о Митиных заслугах, правда. Как только кончится урок, как только Павла Юрьевна поднимет со стола медный колокольчик с надписью «Дар Валдая» и звякнет им, так Митина ловкая фигурка в затертом казенном пальто и в пушистой шапке-ушанке скатывается с крыльца во двор.

А белый двор усыпан по мягкому, подталому снежку ржыми сосновыми иглами. А сосны

над головой стоят чуть не до неба. Воздух сладок, свеж, пахнет по-весеннему ветром, и здесь Митя чувствует себя на полной свободе. Он здесь — хозяин положения, и даже сам Саша Елизаров попадает волей-неволей к нему в подчинение.

Митя хватает с поленицы топор, ставит на попа чурбан-кругляш, — бац! — бьет по нему наотмашь, и чурбан разлетается на две половинки.

Саша тоже берет топор, тоже ударяет по кругляшу, но «бац!» у него не получается. Чурбан как стоял целехонек, так и стоит, а лезвие топора глубоко вязнет в сырой древесине.

— Кар-р-рамба! — возмущается по-ино-

странному, кажется по-итальянски, Саша. — Как хоть ты все это делаешь? Научи!

Митя подсказывает, что лезвие топора надо нацеливать не прямо, а чуть наискосок, что ударять надо резко, без всякого страха. Но Саша все равно побаивается, удар у него выходит не тот, и в конце концов Митя говорит:

— Ладно... Потом натренируешься. Подтаскивай мне чурбаны, я сам переколю. У тебя силы много, да сноровки нет. Дома тебе работать по хозяйству не приходилось, а мне приходилось... Зато учишься ты вон как здорово.

И так всегда. Саша первый по книгам, по учебе. Может придумать какую-нибудь развеселую игру, а Мите больше нравится колоть дрова, откидывать от крыльца снег, таскать из

бочки воду на кухню — и всю эту не очень легкую мужскую работу он выполняет с удовольствием.

Снег, сосны, поленница в снегу, стук ведра о край деревянной бочки напоминают ему далекую «Дружную Горку», напоминают родной дом.

В такие минуты ему кажется, что нет на белом свете никакой войны. Ему кажется, что вот он сейчас обернется, а по скрипучей снежной тропинке к нему торопливым шагом пойдет мать. Она молодая, очень красивая, на ногах у нее черные валенки с калошами, на ней узкое пальто и черный с алыми цветами плат, а щеки от быстрой ходьбы и зимнего воздуха у нее тоже алые — так и горят.

Мать подходит к Мите, наклоняется, прижимает его лицо к своей щеке, и щека у нее сначала холодная, но быстро становится такой теплой, что у Мити от этого тепла больно сжимается сердце.

Мать говорит: «Работничек мой! Сейчас тебе помогу».

А следом набегают сестренки — Даша и Маша. В длинных шубейках, в толстых платках они маленькие и неуклюжие, как медвежата, барахтаются рядом в сугробе, им весело, а потом они кричат: «И мы поможем! И мы!»

Каждый раз на этом месте своих воспоминаний Митя и взаправду видит, как с гамом, шумом, с толкотней к нему бегут по тропке малыши — все они в серых одинаковых пальтишках, в одинаковых шапках, и все они громко кричат:

— И мы поможем! И мы!

Но эти малыши — не Даша с Машей. И топчутся за ними по хрустящему снегу не мама, а Павла Юрьевна. И Митя грустно вздыхает, но потом думает: «Хорошо, что хоть они у меня есть. А потом, может быть, и мама с Машей-Дашей тоже найдутся...»

Охотнее же всего Митя Кукин возится в сарае, который из-за древности просел на все четыре угла и подслеповато шурится на интернат одним узким, прорезанным в толстом бревне оконцем.

Сарай интернатские с гордостью называют «Наш конный двор!», но живут на «конном дворе» только белохвостый с обмороженным гребнем петух Петя Петров и одна-единственная лошадь Зорька.

Зорьку ленинградцам подарил сельский совет. Подарил нынешней зимой. Получать Зорьку ходил завхоз Филатыч, и это событие запомнилось детям надолго.

О том, что Филатыч сегодня должен привести лошадь, дети знали заранее, и все толпились в комнате у девочек возле двух широких окон, выходящих на поле, на дорогу. Смотрели на дорогу почти весь день и никак ничего не смогли увидеть.

Но вот по вечерней поре, когда солнышко уже садилось и от закатных лучей снежное

поле впереди интерната, крыши деревеньки на краю поля и вся санная дорога на этом поле сделались багряными, кто-то крикнул:

— Ой, смотрите! Конь-огонь!

А другой голос подхватил:

— Конь-огонь, а за ним золотая карета!

Митя присунулся к окну, глянул и тоже увидел, что от голубого морозного леса по дороге рысью бежит золотой конь. Он бежит, а за ним не то скользит, не то катится удивительная повозка.

Под косым вечерним светом она и в самом деле кажется позолоченной. От нее и от коня падает на багряные снега огромная бегущая тень, и по тени видно, какая это странная повозка. Внизу — полозья, чуть выше — колеса со спицами, а над колесами плоская крыша, как это и бывает у всех сказочных карет.

А всего страннее то, что седока в повозке не видно. Конь по дороге бежит словно бы сам, им никто не управляет.

Дети кинулись в коридор к вешалке, стали хватать пальтишки. Кто-то запнулся, кто-то из малышей заплакал, боясь опоздать. А рослый Саша протянул руку через все головы, сорвал с вешалки свою и Митину шапку, и мальчики первыми выскочили во двор, на холод.

Золотой конь уже приворачивал с дороги к распахнутым воротам. Конь входил в темноватый под соснами двор интерната, и был он теперь не золотым, а мохнато-серебряным. На его спине, на боках, на фыркающей морде настыл иней.

— Тпр-р-р!.. — донеслось изнутри странной повозки.

Повозка остановилась у крыльца, и это оказались всего-навсего обыкновенные санирозвальни, на которых стояла летняя телега с откинутыми назад оглоблями и с неглубоким дощатым кузовом.

— Тпр-р-р! Приехали, — повторил голос.

Из широких саней, из-под телеги медленно вылез бородатый Филатыч. Лоб, щеки, нос у него от холода полиловели. Маленькие, постарчески блеклые глазки радостно моргали. Он прикрутил вожжи к высокому передку саней и, заметая длиннополым тулупом снег, прошел к голове лошади. Ухватил ее под уздцы, победно глянул на толпу ребятишек и с полупоклоном обратился к заведующей:

— Ну вот, Павла Юрьевна, принимай помощницу. Зовут Зорькой. Дождались мы с тобой, отмаялись!

Он дружелюбно хлопнул Зорьку по гривастой шее. Зорька фыркнула, вскинула голову. Павла Юрьевна отшатнулась, на всякий случай загородилась рукой. Она, человек городской, питерский, лошадей немного побаивалась. Но потом укрепила пенсне на носу потверже и медленно, издали, обошла Зорьку почти кругом.

Обошла, встала и, довольно покачивая из стороны в сторону головой, восторженным голосом произнесла:

— Как-кой красавец! Это намного больше всех моих ожиданий...

Она опять повела головой, отставила вперед ногу в растоптанном валенке и широким жестом показала ребятишкам на Зорьку:

— Вы только посмотрите, товарищи! Это же великолепный конь, вы согласны со мною, товарищи?

— Согла-асны... — нестройным хором протя-

нули «товарищи», все разом утерли ослабшие на холоде носы, а Саша Елизаров сказал:

— Бузнос бикс! — Это должно означать по-испански «славный зверь!»

Филатыч засмеялся:

— Да что ты, Юрьевна! Разве это конь? Это просто кобылка по-нашему, по-деревенскому, да еще и жеребая... С приплодом, так сказать.

Павла Юрьевна удивленно глянула на старика и осуждающе нахмурилась:

— Ну-у, Филатыч... Что за слова? При детях!

— А что «слова»? Хорошие слова... Кобылка — она и есть кобылка. Скоро нам жеребеночка приведет. Махонького. Гривка и вся шерстка у него будут мягонькие, пушистые, так и светятся... Жеребеночки всегда рождаются такими.

Ребятишки, услышав про жеребеночка, счастливо засмеялись. А Митя шагнул к лошади, протянул ей раскрытую ладонь. Лошадь опять мотнула головой, звякнула железными удилами, как бы освобождаясь от уздечки, за которую держался старик. Филатыч узду отпустил, и Зорька ткнулась мягкими губами в ладонь Мити. По ладони прошло тепло. Митя так весь и задрожал от радости и ответной нежности, а Филатыч удивился:

— Вот так да! Признала мальчика... А мне сказали: «Маленьких она любит не шибко». Ну что ж! Если разрешит начальство, быть тебе, парень, в конюхах, в моих заместителях. А то я один-то теперь не управляюсь.

Митя, не отнимая от Зорькиных губ ладони, с такой надеждой и мольбой глянул на «начальство», на Павлу Юрьевну, что она сразу закивала:

— Да, да, да! Пусть будет, пусть будет. Я всегда говорила, Митя Кукин человек надежный, и лошадка это, видно, тоже почуяла.

Вот так и началась Митина дружба с Зорькой, которая сразу стала самой настоящей кормилицей и поилицей всего интерната. На Зорьке возили дрова, воду. На ней ездили на полустанок Кукушкино в пекарню за хлебом и там же, на полустанке, забирали почту.

Раньше все это Филатыч доставлял в интернат с великим трудом на случайных колхозных подводах, а теперь лошадь была своя, и хозяйственные дела у Филатыча пошли веселее.

А дел у старика было полно. Он не только ездил в Кукушкино, он выхлопатывал в дальнем леспромхозе для интерната лес на топливо; подшивал ребятишкам «горящую, как на огне» обувь; чинил столы, скамейки, парты; латал обрезками фанеры и тонкими дощечками разбитые окна, — и как он со всем этим управлялся, понять было невозможно.

Ведь у него и у самого в деревне было какое-то хозяйство.

Это он в первую военную, страшную, тяжелую зиму, когда отошавших ребятишек чуть ли не качало ветром, а Павла Юрьевна совсем было слегла, — это он, старый Филатыч, можно сказать, спас от гибели весь интернат.

Он сам, вместо Павлы Юрьевны, дошел до всего сельского начальства, и в интернат стали каждый день безо всяких перебоев отпускать из колхоза молоко и прислали овощей для приварка. А пока шли хлопоты, Филатыч в котомке перетаскал из дому, из деревни в интернат почти все собственные запасы картофеля и поддерживал этим картофелем ребя-

тишек до тех пор, пока не наступили времена получше.

Когда же Павла Юрьевна сказала, что за картошку интернат ему заплатит, то Филатыч страшно рассердился:

— Не выдумывай, не возьму... Это я, считай, в фонд обороны внес. Наши деревенские на целый боевой танк собрали, я тоже на танк вносил. Так что мне теперь и за это денег требовать? Эх ты, Павла Юрьевна! А еще питерская... Обижает, матушка, меня.

Павла Юрьевна даже покраснела:

— Простите ради бога! Я ведь только и хотела сказать, что вам тяжело со всеми нашими делами одному управляться.

— Как-нибудь управляюсь... — отмахнулся Филатыч.

Но все равно он обрадовался, когда ему стал помогать Митя Кукин. Завхоз увидел, как ловко и заботливо тот ухаживает за лошадью, наделяет ее сеном, поит, чистит, научил мальчика еще и запрягать ее, а потом стал брать Митю с собой в поездки и даже отпускать в недалекий путь одного.

Запрягать Зорьку было не очень трудно. Она сама помогала Мите. Сама продевала голову с поджатыми ушами в подставленный хомут, а потом голову вскидывала — и хомут оказывался у нее на груди, на месте. Только вот затягивать хомут супонью — тонким ремешком — было трудно. Тут надо было, стоя на земле, на одной ноге, другою упираться в клешню хомута и тянуть ремешок изо всех сил на себя, а росту для этого у Мити не хватало. Даже у Саши не хватало. Но и тут Митя приспособился. Он стал подкатывать к лошади чурбан и управляться с этой подставкой.

И вот копошится Митя возле лошади, закладывает ей на спину войлочный потник и седелько, лезет за пряжкой подпруги под круглое, как бочка, очень теплое, все в крупных выпуклых жилках брюхо — и Зорька не шелохнется. Она терпеливо ждет, лишь подрагивает от щекотки всей кожей и доверчиво косит на Митю добрым блестящим глазом.

Рядом с ней Мите хорошо. Митя разговаривает с Зорькой и чувствует, что лошадь начинает понимать его. Он даже показал ей однажды и прочитал вслух письмо с приветствием от лейтенанта Бабушкина, и Зорька бумагу обнюхала, одобрительно фыркнула, мотнула головой. А когда Митя рассказал ей про сестренку и про маму, то Зорька положила ему на узенькое плечо свою теплую морду, тихо щекотнула губой Митино ухо и вздохнула вместе с мальчиком.

В один из мартовских деньков Митя собрался к ручью по воду. Собрался он вместе с Сашей, а еще за ними увязался самый маленький житель интерната — мальчик Егорушка.

Был уже полдень. С южной стороны крыш

капало, тонкие сосульки отрывались от карниза и со звоном шлепались в мелкие лужицы на утопанном снегу. Интернатский петух Петя Петров ходил вокруг лужиц, любовался на свое отражение, хлопал крыльями и восторженно орал. Ему откликались через дорогу, через поле деревенские петухи.

Митя вывел из конюшни Зорьку, впряг ее

в оглобли, не спеша запряг. Потом вскочил в сани, утвердился на широко расставленных ногах между пустой бочкой и передком, дернул веревочными вожжами и подкатил к школьному крыльцу. Саша и путающийся в длинном пальто Егорушка подбежали следом. Они несли ведра.

С крыльца спустился Филатыч в красной

распоясанной рубахе, с рубанком в руках. Свободной ладонью он ошупал на спине Зорьки войлочный потник, проверил, удобно ли потник положен, подергал тугой ремень чересседельника, посмотрел на лужи, на солнышко.

— Теплынь! Надо бы нынче к ручью самому съездить. Как бы не разлилось... Ты, Дмитрий, вот что: ты на лед нынче лошадь не загоняй, а встань с бочкой на берегу. Понял? Ну, вот и ладно... Завтра проверю сам, а сегодня времени нет.

Саша с Егорушкой бросили ведра в сани, вскарабкались верхом на бочку; Митя, радуясь, что едет за главного, без Филатыча, громко чмокнул губами, и Зорька легко, рысцой понесла сани по дороге.

Водовозная дорога сразу от школы уходила в лес. В лесу держалась прохладная тень, но там, где прямые, с темно-коричневыми, словно пригорелыми низами деревья разбегались просторней, всю тенькали синицы. В голубом прогале неба ласково и призывно куркал одинокий ворон. А еще выше, в самой бездонной синеве, громоздились белыми башнями невесомые, почти неподвижные облака.

— Шарман! — сказал, сидя на бочке и задрал голову, Саша, и это должно было означать по-французски: «Красота!»

А Егорушка тоже огляделся, потянул носиком сосновый воздух, распахнул еще шире и так всегда изумленные ореховые глаза и сказал:

— Хорошо-то как... — Потом подумал и добавил: — А у меня завтра день рождения!

Митя, который стоял в передке саней и держал вожжи, сразу обернулся:

— Сочиняешь, Егорушка? Опять?

Митя знал за ним такой грех. Егорушка попал в интернат совсем маленьким, не помнил, когда у него день рождения, и придумывал его себе на неделе по три раза. Но теперь Егорушка замотал головой и сказал:

— Нет, не опять. Это я раньше сочинял, а нынче Павла Юрьевна сама сказала. Мне, знаешь, сколько будет? Вот сколько!

Егорушка выпростал из длинных рукавов пальцы, отсчитал шесть и высоко поднял обе руки.

— Ого! — сказал Саша. — По-английски это будет — сикс. Выходит, тебе подарок надо.

— Надо! — радостно согласился Егорушка. — А какой?

— Хочешь, Егорушка, я тебе дудочку сделаю? — Митя шевельнул вожжами, опять обернулся. — Ивовую, на два голоса. Вот приедем к ручью, выломаю подходящий прут и дома вечером сделаю.

А Зорька топала да топала по узкой дороге, и вот корабельные сосны кончились, дорога сбежала по некрутому склону вниз и пошла по долинке, заросшей ивняком и ольховником.

Мартовскому солнцу тут раздолье. Ветер в долинку почти не залетает, тени от кустов прозрачны, и вешнее тепло проникает всюду. Сугробы во многих местах уже протаяли до

болотных кочек, а на ивовом пруте надулись гляцевые почки. Они вот-вот лопнут, и тогда по тонким веткам разбегутся, рассыдутся, как цыплята, ярко-желтые, пушистые соцветия.

Егорушка напоминает:

— Митя, прутик не забудь сломить.

— Не забуду, — говорит Митя, останавливает лошадь и спрыгивает в снег. Он топчется под ивой, сгибает упругую ветку. Митины следы сразу темнеют, набухают водой.

Митя сламыкает прут, внимательно осматривает его и опять залезает в сани.

Когда подъехали к ручью, то увидели, что за прошедшие сутки там ничего не изменилось. На широко раздавшемся в этом месте ручье, на льду по-прежнему лежит ровным слоем снег, по нему тянется накатанный санями подъезд к проруби; а с той стороны, от густых ельников к проруби-оконцу протоптана узкая тропа. Ее пробили за зиму лоси, они ходят сюда на водопой.

Мальчики, как наказывал Филатыч, оставили Зорьку на берегу, взяли ведра, побежали к оконцу. Здешний берег был низкий, почти ровень со льдом, и они сразу увидели, что самая кромка льда и снег на ней — мокрые. Но влажная полоска растянулась нешироко, и ее перескочил даже Егорушка.

Вокруг проруби снег был сырой, желтый. А в самом отверстии вода, как в ледяном колодце, поднялась до краев, и вот это было уже большой новостью. Раньше вода стояла гораздо ниже.

— Я говорил, промочим валенки, — опять сказал Саша.

— Ничего. Приедем — высушим. Ты, Егорушка, в мокрое не лезь, — сказал Митя и далеко перегнулся, поддел ведром красноватую, с болотным запахом воду.

— Еще вчера была чистая, а сегодня уже нет, — удивился Егорушка.

— Торфяники оттаивают, — догадался Митя и почерпнул второе ведро. Он передал его Саше. Мальчики, тяжело нагибаясь, потащили ведра к берегу. Егорушка, размахивая длинными рукавами, засеменял сзади.

Мокрую полоску у берега перепрыгнуть с полными ведрами не удалось, прошлепали напрямую. Потом выбрали к бочке и опрокинули ведра над широкой прорезью. Вода с шумом ухнула в темное круглое нутро. Саша сунул туда голову, посмотрел:

— Едва донышко скрыло, охо-хо...

— Первый раз наливаешь, что ли? — засмеялся Митя и побежал обратно.

Сходили они так, от берега к проруби и от проруби к берегу, пять раз. Все уплескались, в сырых валенках стало хлюпать, воды в бочку принесли десять ведер, а надо было пятьдесят.

Саша опять заглянул в прорезь, опять вздохнул:

— Так до вечера будем таскать!

Митя отпыхнулся, спросил:

— А что делать?

— Давай подгоним Зорьку к самой проруби, как всегда.

— Что ты! Филатыч не велел.

— Не велел, не велел, — недовольным голосом передразнил Саша. — Он не велел, если лед слабый, а лед не слабый. Вон сколько раз ходили туда-сюда, а он даже не шелохнулся.

— Это под нами не шелохнулся, а под лошадей, может, и шелохнется. Что тогда?

— Пустяки! — сказал Саша. — Глянь!

Он перепрыгнул мокрую закраину и стал изо всех сил подсакивать на ледовой зимней дороге. Снег, уплесканный из ведер, просел под ним, но дальше Саша не провалился.

— Слышишь? Гудит даже! Во какая крепчина... Поехали!

— Поехали, — махнул рукой Митя. Ему и самому не хотелось таскать ведра с водой так далеко.

Но Зорька на лед не пошла. Она остановилась у самой закраины, неудобно налегая на хомут, опустила вниз длинную морду, втянула темными ноздрями запах талого снега, всхрипнула и резко попятилась.

— Бойтся. Не пойдет, — сказал Митя и бросил вожжи в сани.

— А ты ее за уздцы, за уздцы! Она за тобой пойдет. Она тебя слушается, — посоветовал Саша.

Егорушка тоже поддакнул:

— Она тебя, Митя, всегда слушается. Она за тобой пойдет.

Митя взял Зорьку под уздцы и, подражая Филатычу, заприговаривал:

— Ну что, Зоренька? Ну что, матушка? Ну что боишься-то? Пойдем, голубонька моя, пойдем...

И Зорька пошла.

Саша закричал по-американски «о'кей!», Егорушка засуетился на берегу, замахал руками: «Пошла, пошла!», — а Митя уже перескочил мокрую закраину и, пятясь, тянул Зорьку за собой.

Он не давал ей опустить голову, глянуть вниз, и Зорька вдруг вся как-то странно, пособачьи, присела, заржала и мощным прыжком ринулась вперед.

Митя успел увидеть летящую на него мускулистую лошадиную грудь, край хомута, торец оглобли, но тут его ударило этим торцом прямо в лоб, он полетел, прочертил щекой по зернистому снегу, и в глазах у Мити потемнело.

Он услышал рядом такой треск, будто весь белый свет начал колотиться на куски и падать вниз, рушиться. Где-то у самых ног зашумела вода, жутко заржала лошадь.

«Тонем!» — подумал Митя и забился, забарахтался. Но голые пальцы хватили не воду, а холодный, мокрый снег. Он сжал сочащийся ком, притиснул к лицу — в глазах стало проясняться. Митя, шатаясь, поднялся.

Белый свет оставался белым. По-прежнему светило солнце. Но в трех шагах от Мити, у

самого берега, зиял бурый бурлящий пролом, и там, в ледяном крошеве, билась Зорька.

Вода, перемешанная с торфяной грязью, летела во все стороны, она была Зорьке выше груди. Лошадь старалась подняться на дыбы, вскинуть передние ноги в шипастых подковах на кромку льда, но сани с бочкой пихали ее оглоблями, прижимали к ледяной кромке, и она все никак не могла выпростать ноги из-под этой кромки, лишь билась об нее хомутом, грудью, коленями, обрезалась до крови.

На берегу заполошно бегали Саша и Егорушкой. Они то хватались за сани и тянули их изо всех сил назад, то бежали смотреть на рвущуюся из оглобелей Зорьку, а потом опять принимались тянуть сани, да силенок не хватало.

Митя стоял на захлестанном грязью льду и с ужасом видел, что лошадь тоже смотрит на него.

Метаться она перестала, только вся вздрагивала. Вода шла вокруг ее шеи крутыми воронками, Зорька тянула к Мите мокрую морду, и огромные, от страха косящие глаза ее, как показалось мальчику, были в слезах.

И тут Митя заплакал сам. Шлепая по мокрому снегу, он побежал по берегу.

— Спятить надо Зорьку, спятить! — захлебываясь от горя и слез, крикнул он Саше с Егорушкой, зашарил в санях, стал искать вожжи, чтобы спятить Зорьку, но вожжей в санях не было. Они давно соскользнули в воду, и Зорька замаяла их под себя.

Митя повалился лицом на бочку, на руки:

— Ой, что делать-то-о? Ой, беги, Сашка, к Филатычу-у!

— Что ты! — испуганно сказал Саша. — Лучше давай сами как-нибудь.

— Не сможем сами, не сможем... Беги!

Саша затоптался. Нести к Филатычу свою повинную голову, да еще в одиночку, ему вдруг стало страшно, и он сказал:

— Пусть Егорушка бежит. Он на ногу легкий, в два счета домчится.

— Точно! В два счета домчусь! — пискнул Егорушка и, обрадованный тем, что хоть как-то может помочь в беде, припустил по дороге к интернату.

Митя поднял голову, посмотрел вслед Егорушке, вздохнул и побрел на лед.

Темная вода по-прежнему бурлила вокруг лошади. Наверху виднелась только прядящая ушами Зорькина голова под дугой да широкая мокрая спина со сбитым на бок седелком. Зорька теперь даже не дрожала, — ее всю било и трясло, нижняя губа у нее ходила ходуном, обнажая желтые, сильно стертые зубы.

— Простудится, — опять всхлипнул Митя. — Сама насмерть простудится и жеребеночка застудит. Давай, Сашка, хоть как-нибудь ее распряжем, что ли... Может, без саней она и выскочит?

— Может и выскочит, — развел руками Саша, — да как ее распряжешь? Сам под лед ухнешь.

— Пусть! Пусть ухну! Так мне, дураку, и надо, — перестал плакать Митя и вдруг изо всех сил дрыгнул ногой, сошвырнул один валежок, сошвырнул второй, стянул с плеч и бросил пальто и, медленно переступая по льду в толстых вязаных носках с розовыми дырками на пятках, стал подходить к лошади.

Саша подобрал Митино пальто, да так с пальто в руках и стоял, растерянно смотрел, что будет дальше.

А Митя пригнулся, напряжился и прыгнул. Он упал животом на Зорькину спину, Зорька присела. Митины руки и ноги оказались в воде. Но Митя так и остался лежать поперек лошади и стал распутывать руками в бурлящем потоке широкий чересседельник, завязанный вокруг оглобли.

— Упадешь, — пробормотал Саша, а Митя

уже распутал чересседельник, развернулся на спине лошади, сел на нее верхом и, обняв за дрожащую мокрую, но теплую шею, опять опустил руку по самое плечо в ледяную воду и начал шарить по Зорькиной груди, по низу хомута — искать ремешок супони.

Зорька сразу поняла, что к ней пришла помощь. Не рвалась, не ржала, а только тихо, протяжно постанывала.

Ремешок супони раскис, разбух. Митя на ощупь тянул его, рвал ногтями. Рука от холода немела, рубаха с этой стороны намочила до самого ворота, но вот ремешок подался, клешни хомута разомкнулись.

Зорька дернулась, яркая, расписная дуга вылетела, и ладно, Митя успел вцепиться в жесткую конскую гриву, а то упал бы вслед за дугой в темный поток.

Саша со стороны увидел, как Зорька мощно вздыбилась, развернулась на задних ногах и, обрушивая с себя сверкающую на солнце воду, с висящим на гриве Митей вымахнула на лед. Она проломила его, опять прыгнула и вот уже, хромая и волоча за собой вожжи, выбежала на берег.

Там она остановилась. Митя скатился вниз и кинулся осматривать Зорьку. Дышала она шумно и тяжело, ноги ее дрожали. Вода капала с длинного хвоста, с гривы, под раздутым животом нелепо висело седёлко.

— Прости меня, Зоренька, прости, — опять было заплакал Митя, да тут подбежал Саша, подал валенки, пальто, сказал:

— Оденься.

Потом бодрым голосом добавил:

— Вот видишь! За Филатычем можно было и не посылать. Если бы не послали, никто бы ничего и не узнал.

— Ну д-да... ф-фиг бы не узнал... — едва выговаривал Митя, его самого трясло не меньше Зорьки.

А Филатыч был уже близко. До смерти перепуганный Егорушкой, который ворвался в школьную столярку и не своим голосом завопил: «Зорька тонет! Зорька тонет! Одну дугу видно!» — старик только и успел что накинуть на себя полушубок да схватить у школьной поленицы длинную жердь, и так вот, без шапки, и бежал с этой жердью по дороге.

Старик бежал не быстро, ему не хватало воздуха. А Егорушка трусил рядом, все наговаривал:

— Митя не хотел, а Сашка сказал: «Поехали!» Митя не хотел, а Сашка сказал: «О'кей!»

Филатыч на Егорушкины ябедные слова не отзывался, не мог. Только выбежав из леса в долинку и увидев на берегу распряженную лошадь, сказал не то с облегчением, не то с испугом:

— Ох!

Но ходу старик не убавил. А как бежал, приседая на ослабших ногах, так на той же медленной скорости и подбежал к лошади.

На мальчиков он сначала и не взглянул. Он обежал, оглядел мокрую Зорьку, кинул ей на спину свой полушубок, а потом наклонился и увидел ее сбитые, сочащиеся кровью ноги.

Увидел, весь побагровел, шея и лицо стали у него почти такими же красными, как его распоясанная рубаха, и он медведем пошел на мальчиков.

— Ах-х, вы... — занес он высоко руку, и

Митя покорно сжался, а Саша отпрыгнул, побледнел и, словно отодвигая от себя старика ладонями, замахал ими, забормотал:

— Но, но, но... Вы не очень! Мы не нарочно.

— Ах, не нарочно! Ах, не нарочно! — дважды проревел Филатыч и опустил руку и кинулся к Зорьке, отстегнул вожжи, согнул их втрое, вчетверо и — вытянул Сашу пониже спины.

— Вы что! — взвизгнул Саша, отбежал и, держась рукой за то место, закричал: — Драть-ся, да? Драть-ся? Не имеете права! Я отцу напишу! Он вам покажет! Он капитан, а вы... А вы эксплуататор!

— Кто? — изумленно раскрыл рот Филатыч и даже бороду с засевшей там стружкой выставил вперед.

— Эксплуататор!

— Это почему же? — еще больше изумился Филатыч.

— Потому что деретесь... Трудящихся бьете.

Филатыч опомнился, опять встряхнул вожжами:

— Ах, вот оно что! Трудящих бью... Да будь ты, Сашка, моим родным внучком, я бы тебе еще и не так ижицу прописал! Я бы тебе показал эксплуатацию трудящихся... Вон по твоей трудящей милости лошадь-то колотит всю. Насквозь простыла. А она ведь мать! От нее жеребеночка ждали.

Митя с Егорушкой, услышав про жеребенка, заревели в голос. Филатыч хотел им тоже сказать что-то этакое, да взглянул на Митину одежку, на Митину испуганную физиономию, махнул рукой и взялся за бочку.

Он качнул ее раз, другой, — бочка, накренив сани, расплескивая с таким трудом наношенную воду, покатила на снег.

Не дав мальчикам и подступиться к саням, Филатыч сам выдернул их за-под берега, сам подцепил жердью не успевшую уплыть под лед расписную дугу и стал запрягать Зорьку. Делал он это все молча, лишь сказал лошади:

— Но, милая... Трогай потихонечку к дому, трогай.

Бочка осталась на берегу. Старик, придерживая длинные вожжи, пошел за пустыми санями.

Митя робко поравнялся с ними, потянулся к вожжам:

— Дяденька Филатыч... А дяденька Филатыч... Давайте я.

Но Филатыч на мальчика даже не посмотрел. Он сказал сердито:

— Отойти. Снимаю я тебя с лошади. Старших не слушаешься, приказу не подчиняешься...

Продолжение следует

СТИХОТВОРЕНИЯ ВАДИМА ШЕФНЕРА

ХУДОЖНИК

Не смущаясь большим расстоянием,
Этот мальчик приходит сюда
Не для встреч и не для расставаний —
Просто любит смотреть поезда.

Под железнодорожным откосом,
Где и маленькой станции нет,
Он стоит, аккуратно причесан
И с опрятностью бедной одет.

Пусть там, дома, смеются и дразнят,
И добра не пророчат ему,
Он приходит сюда, как на праздник, —
Удивляться и верить всему.

Будто птица, готовый к полету,
И на цыпочки даже привстав,
Ждет он сказки. Из-за поворота
Вырастает гремящий состав.

И квадраты горят золотые,
И по насыпи тени плывут,
И на стыках колеса литые
Громогласную песню куют.

И, исполненный гордости буйной,
Так победно трубит в вышине
Паровоз этот, сильный, как буйвол,
С невысоким горбом на спине.

И, подумав, помедлив минуту,
Не ища себе тропки прямой,
Как сквозь сон улыбаясь кому-то,
Отправляется мальчик домой.

Косогором, болотистым лугом
Он к поселку бредет своему,
Молчалив и почти что испуган
Красотой, непонятной ему.

Однажды во время выступления я получил записку: «Уваж. тов. Вадим Шефнер, скажите в двух словах, что такое поэзия».

Я ответил на этот вопрос какими-то общими, расплывчатыми словами. А для себя вдруг понял, что хоть всю жизнь пишу стихи — точно не знаю, что же такое, «в двух словах», поэзия. Меня несколько утешила мысль, что люди, всю жизнь имеющие дело с электроэнергией, — инженеры, монтеры и ученые, тоже не знают, что же такое — электричество. Ибо глубинная, подлинная природа возникновения электрического тока наукой пока не выяснена.

Любимый мой поэт Евгений Баратынский сказал: «Поэзия есть полное ощущение известной минуты».

Я расшифровываю это определение так. Подлинная поэзия начинается там, где поэт ощущает биение своего времени, всю его сложность и многогранность, и где он передает это ощущение читателю с наименьшими потерями. Это не надо понимать упрощенно, то есть не надо думать, что поэт должен откликаться только на календарные даты и близлежащие факты и события. Нет, он вправе писать и о том, что было давно, и о том, что будет нескоро. Он вправе писать и о Древней Руси, и о тех временах, когда Человек поведет свои небесные корабли в дальние галактики, к неведомым нам планетам. Но о каких бы временах и о каких бы событиях он ни писал — сам-то он должен прочно стоять в своем времени и видеть минувшее и грядущее из наших сегодняшних дней. Ибо работает он для своего века, для своих современников, для читателей, живущих на земле одновременно с ним. Им-то он и должен нести в стихах «полное ощущение известной минуты».

Вадим Шефнер

ЗЕЛЕНОСТРОЙ

Сошли снега, растаял лед,
Земля строительство ведет.

Как строим дом из кирпичей,
Так, полная своих забот,
Из атомов и из лучей
Земля строительство ведет.

Спят и вздрагивают в ней
Насосы жадные корней
И гонят из подземных нор
К цветам строительный раствор.

Пока в прекрасные слова
Одеть природу хочешь ты,
Здесь создается трава,
Здесь воздвигаются цветы.

С приходом света и тепла
На стройплощадках всех полей
Встают соцветий купола
Над колоннадами стеблей.

Вглядись, взглядишь, к земле припав, —
Зеленый город рвется ввысь,
Сторожевые башни трав
Победно в небо поднялись.

На уровне твоих зрачков —
Балконы алых лепестков,
Зеленые массивы стен,
Система шпилей и антенн,
И колокольчик над тобой
Склоняет рупор голубой.

Храните землю от невзгод —
Земля строительство ведет.

ВЫПУСКАЮЩИЙ ПТИЦ

В квартире одной коммунальной,
Средь прочих прописанных лиц,
Живет пожилой и печальный
Чудак, выпускающий птиц.

Соседи у рынка нередко
Встречают того чудака —
С большой самодельной клеткой
Стоит он у зооларька.

С полочки своей небогатой
Накупит чижей и синиц.
И за город едет куда-то
Чудак, выпускающий птиц.

Плывут мимо окон вагонных
Сады и асфальт автострад;
На месте поселков сожженных
Другие, не хуже, стоят.

Качаются дачные сосны,
И речки прозрачны до дна,
И даже сквозь грохот колесный
Земная слышна тишина.

А все же душа не на месте,
И радости нет в тишине:
Без вести, без вести, без вести
Пропал его сын на войне.

И вот полустанок невзрачный
У стыка рокадных дорог...
В болотистом месте, не дачном,
Рубеж обороны пролегал.

Отыщет старик не впервые
Пехотной дивизии тыл,
Где встали цветы полевые
На холмиках братских могил.

Но где приклонить ему взоры,
Куда ему сердцем припасть,
Где холмик найти, над которым
Он мог бы наплакаться всласть?...

Он с клетки снимает тряпицу,
Потом открывает ее, —
Молчат присмирившие птицы
И в счастье не верят свое.

Но крылья легки и упруги,
И радость растет на лету, —
В каком-то счастливом испуге
Взмывают они в высоту.

Летят над землею зеленой,
Летят без дорог и границ,
И смотрит на них умиленно
Старик, выпускающий птиц.

ПАМЯТНИК

Памятник изобретателю велосипедов
нигде не поставлен

Справка

В грунт проселочной дороги
Тонкий вдавливая след,
Круторогий, круглоногий
Едет мой велосипед.

Автор стал бесплотной тенью,
Незаметностью земной,
Но его изобретенье
Мчится по лесу со мной.

По дорожке над болотом
Еду я на нем чуть свет,
Смазан маслом и тавотом
Памятник-велосипед.

Не поставлю у могилы
Поминальную свечу, —
Я ногами что есть силы
Этот памятник кручу

Он не ищет скучной славы,
Этот памятник стальной, —
Этот памятник в канавы
Часто падает со мной.

С ним весною у тропинок
Мну короткую траву,
С ним осенних паутинок
Ленту финишную рву.

И душа движенью рада,
И просторен белый свет.

Монументов мне не надо —
Мне б создать велосипед.

У НАШИХ СЕВЕРНЫХ ДРУЗЕЙ

Сбор отряда был назначен на шесть часов вечера. Когда я спустился в подвал профсоюзного клуба и открыл дверь — сразу увидел ребят в красных и синих галстуках. Они выстроились в три ряда. Напротив стояли вожатые. Шла линейка. Командиры пионерских групп сдавали рапорт пионервожатой Аулики Тиусанен. Я ее сразу узнал: ведь накануне слушал ее выступление на съезде Союза финских пионеров. Пока шла линейка, я старался рассмотреть ребят.

В первом и третьем рядах стояли пионеры восьми-двенадцати лет. В среднем — совсем маленькие, как наши дошколята. В синих галстуках с красной полоской посередине. Старшая вожатая назвала их «кнопками». Я решил, что это для смеха так сказано. Малыши же ничуть не обиделись, как будто даже гордились, что их зовут «кнопками».

«Кнопки» есть в любом пионерском отряде. Когда «кнопкам» исполнится семь лет, вместо синего галстука с красной полоской они получают красный галстук.

...Линейка кончилась. Пионеры и вожатые сели кружком. По очереди стали называть имя и фамилию. Когда очередь дошла до меня, я тоже назвал себя. Такая традиция у финских пионеров: обязательно надо представиться.

Пионеры рассказали мне о своем отряде. Он действует уже несколько лет. Бывшие пионеры теперь члены Демократического Союза молодежи, есть и коммунисты. Сейчас в отряде сорок человек. Они все живут в районе Эйра-Хельсинки, а учатся в разных школах. Раз в неделю все пионеры собираются на двухчасовой сбор. Днем или вечером. Вместе с пионерами в сборах участвуют вожатые. У отряда семь вожатых. Это молодые рабочие и студенты. А старшая вожатая Аулики Тиусанен по профессии архитектор. Все вожатые — коммунисты или комсомольцы.

В отряде пионеры учатся, узнают о классовой борьбе, о деятельности рабочего класса и его авангарда — Коммунистической партии.

Пионеры собирают подписи в защиту Мира, средства в фонд помощи чилийским патриотам. Выпускают стенные газеты, в которых рассказывают о жизни Карла Маркса, Владимира Ильича Ленина, о видных деятелях Коммунистической партии Финляндии. Участвовали в международном конкурсе детского рисунка «Я вижу мир», объявленном «Пионерской правдой».

У финских ребят нет Домов или Дворцов пионеров. Чаще всего они собираются дома у вожатых. Иногда в их распоряжение отдают рабочий клуб. Но клубов немного, да и редко они бывают свободными.

Финские пионеры вместе с коммунистами пришли почтить память борцов-антифашистов

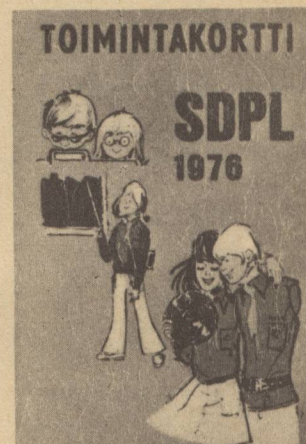
Отряд собирается и для развлечений: научиться новым танцам, песням, играм.

В беседе с финскими ребятами я понял, с каким большим уважением они относятся к нашей стране. Рассказы о Советском Союзе готовы без конца слушать и пионеры, и вожатые.

Отряды финских пионеров уже отправились в заочное путешествие под девизом «Наш друг — Советский Союз», которое организовал детский журнал «Пионеритовери». Это путешествие посвящается 60-летию Великого Октября. Пионеры отряда, у которых я был на сборе, готовились к этому походу серьезно: разработали для участников путешествия маршрут, подобрали литературу о нашей стране, оформили карту, на которой видно, кто сражался в рядах защитников Октябрьской революции в годы иностранной интервенции и гражданской войны.

В. СМЕРНОВ

Рисунок
А. Ивашенцевой

Личная книжка
финского пионера

КЛЕЕНКА

РАССКАЗ

Ю. КОВАЛЬ

Рисунок В. Топкова

Читатели «Костра» хорошо знают писателя Юрия Коваль: мы печатали его повести «Недопесок» и «Пять похищенных монахов». Полюбились и его рассказы о северной деревне с немного непонятным названием Чистый Дор. Герои новой книги, над которой работает писатель, уже знакомые нам обитатели Чистого Дора: дядя Зуй, его внучка Нюрка, ее подружки, односельчане. И хотя время, когда происходит действие, послевоенное, трудное, с доброй улыбкой повествует о событиях в Чистом Доре рассказчик.

Осенью, в конце октября, к нам в магазин привезли клеенку.

Продавец Петр Максимыч, как получил товар, сразу запер магазин, и в щели между ставен не было видно, чего он делает.

— Клеенку, наверно, меряет, — толковал дядя Зуй, усевшись на ступеньке. — Он вначале ее всю перемеряет, сколько в ней метров-сантиметров, а потом продавать станет... Постой, ты куда, Мирониха, лезешь? Я первый стою.

— Кто первый? — возмутилась Мирониха, подлезая к самой двери. — Это ты-то первый? А я три часа у магазина стою, все ножки обтоптала! Он первый! Слезай отсюда!

— Чего, — не сдавался дядя Зуй, — чего ты сказала? Повтори!

— Видали первого? — повторяла Мирониха. — А ну, слезай отсюда, первый!

— Ну ладно, пускай я второй! Пускай второй, согласен.

— Что ты, батюшка, — сказала тетка Ксения. — За Миронихой я стою.

— Эх, да что же вы, — огорчился дядя Зуй, — пустите хоть третьим.

Но и третьим его не пускали, пришлось становиться последним, за Колькой Дрождевым.

— Слышь, Колька Дрождев, — спрашивал дядя Зуй, — не видал, какая клеенка? Чего на ней нарисовано: ягодки или цветочки?

— Может, и ягодки, — задумчиво сказал Колька Дрождев, механизатор, — а я не видал.

— Хорошо бы ягодки. Верно, Коля?

— Это смотря какие ягодки, — мрачно сказал Колька Дрождев. — Если чернички или бруснички — это бы хорошо. А то нарисуют волчью — вот будет ягодка!

— Надо бы с цветочками, — сказала тетка Ксения, — чтоб на столе красота была.

Тут все женщины, что стояли на крыльце, стали вздыхать, желая, чтоб клеенка была с цветочками.

— А то бывают клеенки с грибами, — снова мрачно сказал Колька Дрождев, — да еще

какой гриб нарисуют. Рыжик или опенок — это бы хорошо, а то нарисуют валуев — смотреть противно.

— Я с валуями возьму, — сказала Мирониха, — на стол стелить нечего.

Наконец дверь магазина загрохотала изнутри — это продавец Петр Максимыч откладывал внутренние засовы.

А в магазине было темновато и холодно. У входа стояла бочка, серебрившаяся изнутри селедками. Над нею, как черные чугунные калачи, свисали с потолка висячие замки. За прилавком, на верхних полках пасмурно блистали банки, полулитровые, наполненные разноцветными конфетами. При тусклом свете ириски, подушечки и леденцы сияли за стеклом таинственно, как самоцветы.

В магазине пахло клеенкой. Запах селедки, макарон и постного масла был начисто заглушен. Пахло теперь сухим клеем и свежей краской.

Сама клеенка лежала посреди прилавка и хоть свернута была в рулон, верхний край все равно был открыт взглядам и горел ясно, будто кусок неба, увиденный со дна темного колодца.

— Ох, какая! — сказала тетка Ксения. — Поднебесного цвета!

А другие женщины примолкли и только толпились у прилавка, глядя на клеенку.

Дядя Зуй дошел до бочки с селедками да и остановился, будто боялся подойти к клеенке.

— Слепит! — сказал он издали. — Слышишь, Колька Дрождев, глаза ослепляет! Веришь или нет?

И дядя Зуй нарочно зажмурился и стал смотреть на клеенку в узкую щелочку между век.

— Кажись, васильки нарисованы, — хрипло сказал Колька Дрождев, — хуть и сорная трава, но голубая.

Да, на клеенке были нарисованы васильки, те самые, что растут повсюду на поле, только

покрупнее и, кажется, даже ярче, чем настоящие. А фон под ними был подложен белоснежный.

— Поднебесная, поднебесная, — заговорили женщины, — какая красавица! Надо покупать!

— Ну, Максимыч, — сказала Мирониха, — отрезай пять метров.

Продавец Петр Максимыч поправил на носу

металлические очки, достал из-под прилавка ножницы, нанизал их на пальцы и почикал в воздухе, будто проверял, хорошо ли они чикают, нет ли сцеплений.

— Пять метров отрезать не могу, — сказал он, перестав чикать.

— Это почему ж ты не можешь? — заволновалась Мирониха. — Отрезай, говорю!

— Не кричи, — строго сказал Петр Максимыч, чикнув ножницами на Мирониху, — клеенки привезли мало. Я ее всю измерил, и получается по полтора метра на каждый дом. Надо, чтоб всем хватило.

Тут же в магазине начался шум, все женщины стали разом разбираться, правильно это или неправильно. Особенно горячилась Мирониха.

— Отрежь! — наседала она на Петра Максимыча. — Кто первый стоит, тот пускай и берет сколько хочет.

— Ишь, придумала! — говорили другие. — Нарезет себе пять метров, а другим нечем стол покрывать. Надо, чтоб всем хватило.

— А если у меня стол длинный? — кричала Мирониха. — Мне полтора метра не хватит. Что ж мне, стол отпиливать?

— Можешь отпиливать, — сказал Петр Максимыч, чикая ножницами.

Тут же все стали вспоминать, у кого какой стол, а Мирониха побежала домой стол мерять. За нею потянулись и другие женщины. В магазине остались только дядя Зуй да Колька Дрождев.

— Слышь, Колька, а у меня-то стол коротенький, — говорил дядя Зуй. — Нюрка сядет с того конца, я с этого — вот и весь стол. Мне клеенки хватит, еще и с напуском будет.

— А у меня стол круглый, — хмуро сказал Колька Дрождев, — а раздвинешь — яйцо получается.

Первой в магазин вернулась Мирониха.

— Давай режь метр восемьдесят! — бухнула она.

— Не могу, — сказал Петр Максимыч.

— Да что же это? — закричала Мирониха. — Где я возьму еще тридцать сантиметров?

— Да ладно тебе, — сказал дядя Зуй, — останется кусочек стола непокрытым, будешь на это место рыбы кости складывать.

— Тебя не спросила! — взвилась Мирониха. — Сам вон скоро свои кости сложишь, старый пень!

— Ишь, ругается, холера! — сказал дядя Зуй добродушно. — Ладно, Максимыч, прирежь ей недостаю из моего куска. Пускай не орет. Пускай рыбы кости на клеенку складывает.

Продавец Петр Максимыч приложил к клеенке деревянный метр, отмерил сколько надо, и с треском ножницы впились в клеенку, разрубая васильки.

— Бери-бери, Мирониха, — говорил дядя Зуй, — пользуйся. Хочешь, ее мылом мой, хочешь, стирай. От этой клеенки убыли не будет. Ей износу нет. Пользуйся, Мирониха: чашки на нее ставь, супы, самовары ставь. Только смотри будь осторожна с ней, Мирониха. Не погуби клеенку!

— Тебя не спросила, — сказала Мирониха, взяла, кроме клеенки, селедок и пряников и ушла из магазина.

— Твой кусок, Зуешко, укоротился, — сказал Петр Максимыч.

— Ладно, у меня стол маленький. Кто там следующий? Подходи.

— Я, — сказала тетка Ксения, — мне надо метр семьдесят.

— Где ж я тебе возьму метр семьдесят? — спросил Петр Максимыч.

— Где хочешь, там и бери. А у меня дети малые дома сидят, плачут, клеенки хотят.

— Пускай плачут! — закричал Петр Максимыч. — Где я тебе возьму?

Тетка Ксения махнула рукой на Петра Максимыча и сама заплакала.

— Вот ведь холера, — сказал дядя Зуй, — с клеенкой с этой. Ладно, Максимыч, прирежь и ей недостаю, мне небось хватит. А то клеенка, дьявол, больно уж хороша — женщине и обидно, что не хватает. Теперь-то довольна, что ль, тетка Ксения, или недовольна? А клееночка-то какая — прям искры из глаз. Какая сильная сила цвета. Постелишь ее на стол, а на столе — цветочки, ровно лужок. Кто там следующий? Манька Клеткина? А какой у тебя, Манька, будет стол?

— Не знаю, — тихо сказала Манька.

— Так ты что, и не меряла, что ль?

— Меряла, — сказала Манька еще тише.

— Ну, и сколько получилось?

— Не знаю. Я веревочкой меряла.

Манька достала из кармана веревочку, узлом завязанную на конце.

— Вот, — сказала она, — у меня такой стол, как эта веревочка.

— Как веревочке ни виться, — строго сказал Петр Максимыч, — а концу все равно быть.

Он приложил деревянный метр, померял Манькину веревочку и сказал:

— Опять нехватка. Метр семьдесят пять.

— Эх, — махнул рукой дядя Зуй, — прирежь недостаю от моего куска, режь на всю веревочку. А ты, Манька, горячие кастрюли не ставь, ставь на подложку. Поняла, что ль? Сделай подложку из дощечки.

— Поняла, — тихо сказала Манька, — спасибо, батюшка.

— Или того лучше, Манька. Ты ко мне забеги, я тебе готовую подложку дам. Кто следующий-то там?

Дело в магазине пошло как по маслу. Петр Максимыч только чикал ножницами, и через десять минут от дядишевой клеенки почти ничего не осталось.

Но эти десять минут дядя Зуй не терял даром. Он расхваливал клеенку, жмурился от силы цвета, сомневался, не заграничная ли она, не американская ли.

— Ну, Зуешко, — сказал наконец Петр Максимыч, — у тебя осталось двадцать сантиметров.

— Что-то больно мало.

— Так выходит. Двадцать сантиметров тебе, полтора метра Кольке Дрождеву.

— Может, какие-нибудь есть запасы? — наекнул дядя Зуй. — Для близких покупателей?

— Запасов нету, — твердо сказал Петр Максимыч.

— Видишь ты, нету запасов. Ну ладно, давай режь двадцать сантиметров.

— На кой тебе двадцать-то сантиметров? — хрипло сказал Колька Дрождев, механизатор. — Отдай их мне.

— Не могу, Коля. Надо же мне хоть маленько. А то еще Нюрка ругаться будет.

— Уж очень мало, — сказал Колька Дрождев. — Двадцать сантиметров, чего из них выйдет?

— Я из них дорожку сделаю, постелю для красоты.

— Какая там дорожка, больно узка. А Нюрке мы конфет возьмем, чего ей ругаться?

— Это верно, — согласился дядя Зуй, — когда конфеты — чего ругаться? Забирай!

— Если б валуи какие были нарисованы, — толковал Колька Дрождев, — я б нипочем не взял. А это все ж васильки.

— Верно, Коля, — соглашался дядя Зуй, — разве ж это валуи? Это ж васильки голубые.

— А с валуями мне не надо. Ну, с рыжиками, с опенками я б еще взял.

— Ты, Колька, береги клеенку-то, — наказывал дядя Зуй, — не грязни ее да папиросы горящие не клади, а то прожжешь, чего доброго. Ты папиросы в тарелочку клади, а то наложишь на клеенку папирос — никакого вида, одни дырки прожженные. Ты лучше, Колька, вообще курить брось.

— Бросил бы, — отвечал Колька, заворачивая клеенку, — да силы воли не хватает.

К ужину в каждом доме Чистого Дора была расстелена на столах новая клеенка. Она наполняла комнаты таким светом и чистотой, что стекла домов казались чисто вымытыми. И во всех домах стоял особый клееночный запах — краски и сухого клея.

Конечно, через месяц-другой клеенка обомнетя, Колька Дрождев прожжет ее в конце концов горячей папиросой, пропадет особый клеенчатый запах, зато вберет она в себя запах теплых щей, калиток с творогом и разварной картошки.

ПИСАТЕЛИ ДРЕЗДЕНА В ГОСТЯХ У „КОСТРА“

Эрих Вустман приглашает нас в Мачуликчу

Автомобиль круто повернул, и вместо асфальтированного широкого шоссе под колеса легла узкая бетонка. Мимо пронесся дорожный указатель «Бад-Шпандау». Через четверть часа мы остановились перед кирпичной оградой. Ворота были уже гостеприимно открыты, на крыльце двухэтажного очень характерного немецкого дома, с узкой крутой черепичной крышей, стоял хозяин.

В этом доме мы пробыли целый день. Целый день мы ходили вслед за Эрихом Вустманом по комнатам. Они были удивительны. Стены их были увешаны копьями, стрелами с отравленными наконечниками, трубками и головными уборами из перьев. За самодельной стеклянной витриной тлел нарисованный на холсте огонь. К огню жались тщательно выписанные художником доисторические люди. Между холстом и стеклом лежали каменный топор, проколки из рыбьих костей, кремневые скребла, пучки жил — нитки для шивания шкур. В соседней комнате на полках — обрывок папируса, крошеч-

Развалины Мачуликчу

ная мумия священной кошки, терракотовая статуэтка из Долины Царей. Египет! И тут же — на полу — лапландские сани и шкура северного оленя.

Мы без конца задавали вопросы: что, откуда, почему? Не был задан только один вопрос: как это все попало сюда, в маленький немецкий городок под Дрезденом? Все было ясно и так — хозяин дома, писатель и путешественник, объехал почти весь земной шар, все, что собрано в доме, — результат его участия в научных экспедициях. В них он был фотографом и кинооператором.

Книги, которые он теперь издает, — очень яркие. С разноцветных снимков смотрят на нас индеец-карайа, боливийский крестьянин, археолог, стоящий у подножия пирамиды.

У книг Эриха Вустмана счастливая судьба. По ним немецкие подростки знакомятся с Южной Америкой, Африкой, Северной Европой.

Их читают во многих странах мира.

С. САХАРНОВ

Эрих ВУСТМАН

ИНДЕЙЦЫ ВЫСОКИХ КОРДИЛЬЕР

(ОТРЫВОК ИЗ КНИГИ)

Только тот, кто видел развалины Мачуапикчу, может спокойно возвращаться из Перу домой. Мачуапикчу — это не просто руины, это сама история. Его камни хранят память о великом государстве инков. И еще — это увлекательнейшая загадка, потому что еще в начале века никто даже не подозревал о существовании этой последней твердыни некогда могучего государства.

Кордильеры высоки и труднопроходимы. Нет ничего удивительного в том, что в течение веков белые люди, «гринго», как их тогда презрительно называли краснокожие обитатели Перу, не могли найти спрятанный высоко в горах город. А сами индейцы молчали. Может быть, величественные руины вызывали у них страх, а может быть, они хранили обет сохранения тайны, данный еще их далекими предками?

Но вот в 1911 году американский ученый Хирам Бингем, изучая Кордильеры, поднялся на вершину крутой горы и там, к своему величайшему удивлению, обнаружил развалины большого города.

Целый город с каменными домами, храмами и даже обсерваторией раскинулся на высоте нескольких километров. Открытие Бингема стало сенсацией, и хотя принадлежность города древним обитателям Перу инкам была ясна с самого начала, все остальное, связанное с историей его постройки и гибели, оставалось загадкой.

Настал день, и мы — участники экспедиции немецких антропологов — отправились в Мачуапикчу. Еще недавно для этого нужно было затратить несколько недель: карабкаться по вьючным тропам, преодолевать вброд горные реки и тащить с собой палатки, мешки с продовольствием и снаряжение альпиниста. Теперь желающим увидеть город древних инков железнодорожная компания предоставляет моторные

Индеец аймара

Индианка в наряде из пальмового волокна

вагоны, узкоколейная дорога ведет прямо в глубь Кордильер, и все путешествие туда и обратно занимает всего одни сутки.

Мы отправились из Куско рано утром. Вначале дорога шла по равнине, затем круто поднялась вверх. Припав к окнам, мы внимательно рассматриваем местность. Часто попадаются какие-то руины — все остатки древних селений. Узкие долины, которые мы проезжаем, — приют буйной тропической растительности, по дну каждой течет ручей. По мере подъема растительность становится все беднее, долины — все более узкими, ручьи все более быстрыми. Наконец наш мотопоезд достиг долины Урубамба. Здесь заканчивается «железнодорожная» часть путешествия. Туристов уже ждет маленький допотопный автобус, и на нем, после долгого блуждания по горам и бесконечных подъемов, мы достигаем Мачу-пикчу.

Существуют различные версии, кто и когда построил город. Раньше считали, что город основали сами инки. Отступая под натиском испанских завоевателей, они ушли глубоко в горы и там на недоступной вершине воздвигли свою последнюю столицу. Теперь большинство ученых склоняется к мысли о том, что город был основан еще предшественниками инков и был крепостью, защищавшей страну от воинственных восточных племен.

Так или иначе, по счастливой случайности, испанцы не сумели обнаружить его, и только полный распад империи инков (император ее Атауальпа был коварно убит испанцами, армия полностью уничтожена и рассеяна, города разграблены) привел к гибели города. Жители постепенно покинули его, и владельцами огромных строений и дорог из камня стали кондоры и горные верблюды — ламы. Это случилось четыре столетия тому назад.

Мачу-пикчу погрузился в сон. Тростниковые крыши домов сгнили и рухнули, деревянные постройки были уничтожены дождями и плесенью. И только каменные, на совесть сработанные стены многочисленных домов до сих пор стоят, вызывая удивление туристов.

Мы бродили между ними и пытались представить себе жизнь этого старого города. Сохранность зданий и дорог во многом помогает. Вот скромные дома простых горожан, вот дом побольше и побогаче — вероятно, дом какого-нибудь аристократа или, может быть, купца. (Вот жертвенники, около них приносили

в дар богам еду и драгоценности, а в самые тяжелые годы бедствий и неурожаяев — и человеческие жертвы). Вот солнечные часы — инки знали календарь и умели считать время. По углам города стоят не тронутые временем сторожевые башни — с них хорошо видны окрестные долины, ни один враг не мог подойти к городу незамеченным. Все склоны гор покрыты каменными подпорными стенками — они держали принесенную снизу из долин корзинами землю. Здесь были поля, некоторые жители города выращивали маис — род нашей европейской кукурузы.

Мимо этих полей-террас идут сохранившиеся до сих пор лестницы, а там, где кончается самая дальняя, находилось кладбище. Говорят, что среди находок, сделанных на нем, были даже мумии...

Молодые индейцы перед состязаниями по стрельбе

Высокогорный воздух прекрасен. Легко дышится. Светит холодное, но обжигающее кожу солнце. Заканчивая осмотр, мы подходим к обрыву. Здесь гора круто падает вниз. Под нашими ногами на глубине 1000 метров едва различимая вьется автомобильная дорога и, как маковые зернышки, лежат разбросанные вдоль нее дома нескольких деревень. В них живут потомки создателей Мачу-пикчу, индейцы кеча и аймара.

Нас зовут. Уже работает мотор автобуса. Мы усаживаемся в машину и покидаем Мачу-пикчу — горную крепость инков, один из самых загадочных городов на Земле.

Перевод Е. МИЛАШКИНОЙ

МОРСКАЯ ГАЗЕТА

Выходит
под редакцией
контр-адмирала
Н. СКОСЫРЕВА

Оформление
Р. Попова

Год издания 21-й

ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ!

Читатели «Морской газеты» познакомились с балтийским моряком, старым коммунистом Иваном Панкратьевичем Платоновым. В № 11 журнала за 1976 год он рассказал о своем участии в Великой Октябрьской социалистической революции. Публикуем еще один рассказ.

Осенью 1919 года вновь нависла угроза над молодой Советской Республикой. По призыву большевистской партии на оборону красного Петрограда поднялись рабочие, солдаты, моряки.

В то время мы со школьным другом Арсением Стаселько были слушателями Курсов командного состава флота. После окончания учебного артиллерийского отряда в Кронштадте я служил на линкоре «Полтава» старшиной 12-дюймовой башни. Вызвали в судовой комитет: «Пойдешь учиться на курсы?» — «Пойду!» Обмундировали нас в форму гардемарин. Начались занятия. А в мае срочно направили под старую крепость Копорье — наступал Юденич... Отбили его наступление... Осень — снова на фронт. Вечером 24 октября наши части подошли к станции Горелово. Дозор у деревни Разбегай захватил батальон Ливенского белого полка. Они ждали броневиков, чтобы пойти в обход наших войск, наступавших на Красное Село.

Мы пошли в атаку. Ошеломленные белые отчаянно сопротивлялись. Смотрю — падает Арсений. Осколком снаряда ему пробито грудь.

— Держись, — говорю. Взвалил его на плечи и потащил к санитарам. Выходили они моего друга.

Разбегай мы заняли. Утром пришлось отбивать атаки ливенцев. Продвижение врага было задержано. И все время боев с нами было наше красное знамя.

«МОРСКАЯ ГАЗЕТА» ОБРАЩАЕТСЯ К ЧИТАТЕЛЯМ: БЫТЬ МОЖЕТ, ВАМ УДАСТСЯ РАЗЫСКАТЬ ТЕХ, КТО ВОЕВАЛ НА ФРОНТАХ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ.

Фотография, переданная «Морской газете» И. П. Платоновым 1919 год, май. Военные моряки перед отправкой на фронт

Дорогая «Морская газета»!

Извини, что долго не писал: экзамены в школе, занятия в клубе юных речников*, потом практика на теплоходе «Генерал Карбышев» — дел было по горло... Сейчас я оформляю вахтенный журнал плавания, которое было очень насыщенным и интересным. Мы выпускали стенную газету «Полундра», проводили морские КВН и соревнования, а командование теплохода устраивало пожарные тревоги и авралы. Все юнги показали отличное время и условный пожар погасили за четыре минуты пятьдесят шесть секунд...

Да, про самое-то главное для меня чуть не забыл:

* О ребятах из омского клуба юных речников «Морская газета» писала в 1976 году, в №№ 7, 8!

На практике

поздравьте, я поступил в речное училище на судоводительское отделение...

С приветом ко всем читателям
Володя Букатов, Омск

НОВОСТИ ОКЕАНСКОГО СПОРТА

Близ Марианской впадины состоялись соревнования между знаменитыми ныряльщиками... Участвовали: гигантский кальмар, кашалот, рак-отшельник, глубоководный удильщик, бокоплав, краб и рыба — морской язык. Как это ни странно, один из претендентов на первое место — кашалот быстро вышел из игры: он преодолел лишь отметку в 1500 метров. Всех удивил рак-отшельник: он нырнул на глубину в 4300 метров. Лавры чемпиона достались рыбе — морскому языку: 10 000 метров! К сожалению, чемпион не смог увидеть награду, потому что, живя всегда в темноте, рыба морской язык слепа от рождения...

ВОДОЛАЗ

На дне — водолаз,
С космонавтами схожий
Снафандром и шлемом,
И шлангами — тоже.

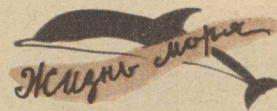
Вот он осветил
Корабельное днище,
Стучит по обшивке,
Пробоину ищет.

Нашел — и сверкает
Подводная сварка,
И воды придонные
Светятся ярко.

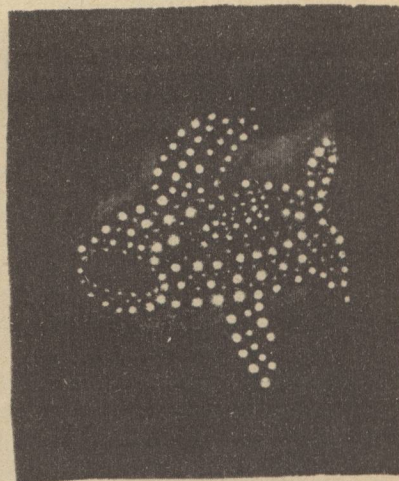
Корабль он починит,
Чтоб завтра, как новый,
Готовился к рейсу
И отдал швартовы...

И рыбы глазастые
С разных сторон
Глядят, не мигая,
Как трудится он.

Е. ФЕЙЕРАБЕНД

В Атлантике, на глубине 600 метров, поймана необычная рыба: тело ее похоже на шар и усеяно разноцветными фонариками. В темноте они

светятся. Всего на теле рыбы насчитали сто сорок огней...
Не рыба — а новогодняя елка...

Американские конструкторы решили создать самолет, который будет летать по воздуху, плавать под водой и садиться на воду и на сушу! Фюзеляж его будет водонепроницаемым.

ДОЛГ ПЛАТЕЖОМ КРАСЕН

ВАСИЛИЙ ЛЕБЕДЕВ

СКАЗКА

Рисунок А. Орлова

Ранней весной, когда дотаивали в лесу последние снега, родился на свет маленький бельчонок. Белки — народ шустрый, знать, с того-то наш бельчонок уже к началу лета выбрался из дупла самостоятельно — встал на лапы. Выставился с макушки сосны, глянул вокруг и закачался на ветке — зардовался. Да и не диво! Мир-то кругом — глаз не отвести! Лес буйной зеленью взялся. Озеро — синее неба чистого. Вокруг скалы медведями бурими лежат. А простору-то вокруг! А солнца! Знай живи да радуйся.

Вдруг накатилась тень на сосну. Испугался бельчонок и в дупло юркнул. Не успел развернуться, а за ним комом шмякнулся молодой дятел. Дрожит бедный.

— Спаси! — щелкает в страхе клювом. — Ястреб на меня напал! Не гони, добрый бельчонок! Худо мне в цветастых штанах: меня и среди ветвей видно. Не гони!

— Сиди! Чего там! В тесноте — не в обиде! Пересидели они беду и снова на ветки выбра-

лись. А кругом сорока летает и вот стрекочет, и вот зудит:

— Бельчонок глупец! Бельчонок глупец! Глупец! Глупец!

— Почему? — выпучил бельчонок глазенки.

— Глупец! Чужих в дом пускаешь! Глупец!

Насторожился бельчонок, недобро осмотрелся вокруг. «А может, и правда я глупец», — подумал он. И решил никого и никогда не пускать больше в свое уютное дупло.

Все лето жил бельчонок с оглядкой — боялся, не забрался бы кто к нему. Запасы на зиму прятал далеко, надежно. Орехи по мелким дуплам укладывал, сухой корой засыпал. Грибов набрал и засушил — видимо-невидимо и тоже все от чужого глаза подальше, все в свой закуток. Дупло углубил, расширил, мохом да пухом устлал, подготовился к зиме.

— Как дела, сосед? — спросил однажды лесной голубь.

— Не твоего ума дело! — фыркнул бельчонок презрительно.

Незадолго до зимы он все на макушке сосны крутился, посматривал в разные стороны. Заяц пробежит, а он ему уж кричит:

— Эй, ты, колченогий! Чего тут травы путаешь? Убирайся!

Лось подошел о сосну почесаться, бельчонок и на него:

— Уйди, горбоносый, а не то охотников покличу!

Поднял лось морду вверх, а бельчонок и давай сыпать ему сухие иголки в глаза.

Особенно невзлюбил бельчонок скворцов. Дня не проходило, чтобы он их не осудил:

— Ишь, разлетались! Погибели на вас нет! Всю рябину оклевали.

— Мы едим — силу в дорогу копим! — оправдывались скворцы.

— Вас легче утопить, чем прокормить! Улетайте скорей, нищее вы отродье!

А как-то поутру ласточка присела на песочек водицы испить перед дальней дорогой на юг. Бельчонок и ее не оставил в покое:

— Эй, тонкокрылая! Ты чего воду мою пьешь? Так и мне не останется! Лети вон.

— Ой, бельчонок, худо тебе придется в жизни, — ответила ласточка. — Злому всегда зло отольется! Пока молод, торопись делать добро! — прощбетала ему ласточка и улетела.

— Не пропаду! — самоуверенно буркнул бельчонок.

Но вот отголубели последние денечки, понахмурилась осень-матушка — пала на землю непогода. Налетели тут ветры северные, закачали деревья — гнезд не удержат!

Как-то ночью слышит бельчонок, стучатся к нему в дупло. Отомкнул мох.

— Кто тут?

— Это я, голубь лесной! Пусти переночевать, у меня гнездо ветром разорило.

— Лети себе дальше! Всем бездомным постели не наготовишь! Всем хорош не будешь. Не мешай спать! — и шишкой в него засветил.

Прокричал голубь тоскливо и улетел в ночь ветровую, неласковую. А бельчонок еще плотней законопатил дупло мохом и крепко заснул. Сладко укачался на ветру.

Много ли он так спал, мало ли — сам не помнит, только проснулся от страшного треска. Сломало ветром сосну посередине, на самом белищем дупле. Свалилась верхняя часть дерева — и открылось дупло всем ветрам, всему миру. Вмиг раскидало ветром перья и мох, орехи и грибы — все в ночь унесло. Что делать? — сучит бельчонок лапками. Под небом ведь не проживешь. А утром и того хуже: охотники пойдут, с первого выстрела подстрелят.

Кинулся бельчонок в страхе через весь лес, к опушке, там, вспомнил, было старое воронье гнездо, давно покинутое. Припрыгал туда, а там уже голубь лесной поселился.

— Пусти меня, голубь! Погиб и мой дом!

— Нет, брат, ты меня не пригрел — и я тебе не порадею! Уходи восвояси!

Заметался бельчонок по темному лесу. Почуял, в одном месте теплом несет от крупного зверя. Крупные — сильные, добрые, не обидят. Припрыгал ближе — лось спит. Скакнул ему на спину, взмолился:

— Не дай мне сгинуть, лось! Погрей меня своей густой шерстью!

Поднял лось рогатую голову, узнал бельчонок-ненавистника да как выдохнет гнев свой, что бельчонок хвост на сторону заломил, а самого в кусты откинуло горячим ветром.

Очухался бельчонок, пошел скакать снова в лес. Где по веткам, где низом бежит. Наткнулся под одним деревом на логовце зайца.

— Пусти меня, зайныка, я бездомный!

— А! Это ты, ненавистник? И ты дожил до черного дня? Нет уж, не пущу тебя, не простят мне лесные братья. Ищи тех, кому ты добро сделал!

И вспомнил бельчонок, что добра-то он сделал всего-навсего дятлу-пестряку. Отправился он искать дупло дятла, а сам в сомнениях великом: помнит ли дятел добро? А ну как забыл, что бельчонок прятал его от ястреба? Скачет по лесу, к каждой сосне прислушивается, а сосны шумят! Каждой ветки во тьме боится, а они качаются!

Нашел он дупло дятла только под утро. Уж зорька занялась неширокая, осенняя. Где-то собачий лай послышался — охотники по белкам вышли! Страху-то!!

Еле живой подкарабкался бельчонок к дуплу. Поцарапался несмело — то ли дупло-то? — да увидел маленькое перышко от красных штанов, значит, дятлово дупло!

— Дятел, а дятел! Пусти скорей! Охотники близко!

— Что за невежество — будить спящих в этакую рань? — проворчал дятел и высунул наружу кончик клюва.

— Пусти скорей! Это я — бельчонок!

Выглянул дятел и крылья растопырил в радости.

— А! Гостюшко дорогой! Спаситель мой! Заходи скорей, извини, что не прибрано! Каким ветром ко мне?

— Вот этим ветром и есть, — ответил бельчонок. — Ветер сосну мою сломал, без дому меня оставил...

— Не велика беда! Живи в моем дупле, а я себе мигом другое выдолблю. Я добро помню. Оно, как золото, в годах не меркнет!

Вскоре пробрехали собаки. Прошли внизу охотники, но всей охоты у них только и было что сороку убили. Бельчонок лег досыпать в своем новом дупле, тепло накрывшись пушистым хвостом. За одну ночь он помудрел. Понял, что не так жил на белом свете. И спокойно уснул.

А во сне он увидел ласточку, легкую, веселую. И звал ее бельчонок испить водицы перед дальней дорогой. Но она уже летела далеко-далеко, над широким морем и щбетала:

— Торопись делать добро! Торопись...

ТАМ, ЗА РЕКОЮ СЫРДАРЬЕЙ

Ойхол Тиллаева — старшая пионервожатая, выпускница школы № 7

С каких пор поселились в школе ласточки? Директор не знает, что ответить на такой простой вопрос. Аккуратные корзинки ласточкиных гнезд под сводами длинного коридора были здесь, кажется, всегда. Были, когда маленькой девочкой пришла в это здание учиться Таджи Абдуллаева, которая преподает тут сейчас родной язык и литературу. Были, когда сидел за партой нынешний учитель математики Орифджон Юсупов, когда робко выходила к доске теперешняя учительница химии Маргуба Рустамова. Дети выросли, уезжали в большие города учиться, потом возвращались работать и учить других детей.

И каждый год ранней весной с радостным криком влетали в коридоры старой школы стрелятельные, изящные птицы, безошибочно находя свои прошлогодние гнезда.

Однажды мальчишки заспорили, может ли быть такое на самом деле? Неужели птицы, улетающие на зиму в далекие страны, могут найти потом в необъятных просторах сырдарьинских степей их старенькую школу и гнездо в коридоре над дверью? Они поймали птицу, бережно надели кольцо из бисера. Прошла зима. «Вернулась! Наша ласточка вернулась!» — На этот крик собралась в коридоре почти вся школа. И все увиде-

ли: среди темных перышек прилетевшей птицы отчетливо блестели бисеринки. Не зря говорят старики: «Ласточки возвращаются всегда».

Сейчас в серых корзинках гнезд тишина. Поздней осенью птицы улетели. Теперь и не до ласточек — заниматься приходится много. Осенью никому задания на дом не задавались. После уроков все уходило помогать родителям на уборке урожая. Некоторые радовались, что дома сидеть над книгами не надо. Теперь им трудно. В седьмом «б», например, Озода Маманова, председатель совета отряда, глаз не сводит с Турсуной Аликуловой. Та, кажется, совсем отвыкла заниматься самостоятельно. Вызывают ее к доске, а она ничего не отвечает, только смеется. Опять, как в прошлом году, видно, придется взять ее «на буксир». Озода переводит взгляд на Нурджамол Бурханову. Та уже все поняла и согласно кивает головой. Нурджамол давно все книжки в школьной библиотеке по два раза прочитала и теперь ходит в контору к колхозному библиотечкару. Она больше всех в классе знает. Если Нурджа возьмется, Турсуной быстро опять станет хорошей ученицей.

Маленькие крольчата — пушистые трогательные комочки

«КРОЛИЧИЙ ДИРЕКТОР»

На каждой перемене из шестого «б» первым выбегает Алишер Келдыев. Мчится со всех ног на хозяйственный двор. Другого туда не пустили бы без повязки дежурного. А для Алишера всегда калитка открыта. Все знают, что у его любимой серой крольчихи вот-вот должно появиться потомство. И тогда, по подсчетам ребят, будет в их крольчатнике уже больше тысячи зверьков.

Алишер может рассказать, как в прошлом году директор школы с учительницей биологии и старшеклассниками ездили в соседний совхоз. При-

везли сначала всего пять кроликов. Поселили в клетках. Стали ухаживать, как положено по инструкции. А кролики скусают, крольчат все нет и нет. Совхозные специалисты дали совет: выпустить зверьков на землю, пусть сами выроют себе норы! И закипела у кроликов-строителей работа. И население крольчатника стало расти, пришлось для каждого отряда составить график дежурств. Только Алишер и еще несколько ребят графика не признали. Каждый день возились в загонах. Не хуже взрослых научились готовить еду для кроликов, кормить их и чистить. Вот и называют теперь Алишера «кроличьим директором».

ЧТО ТАКОЕ ПАРАНДЖА!

Учитель истории Саиткул Уматкулов объяснял, объяснял ребятам, что такое омач и какие еще орудия труда были у земледельцев Узбекистана, а они никак не поймут. Как будто и не очень верят, что омач на полях царствовал, а прабабушки лицо паранджой закрывали. Вот и послал учитель своих ребят к старикам поспрашивать, как до революции жили, не сохранился ли у кого омач, или старый светильник, или паранджа жены. Пришли они к самому старому человеку своего поселка, к дедушке Али-бобо. А он говорит, что здесь у колхозников бесполезно искать такие вещи. Колхоз создавался на «новой земле», целине. Сюда сразу тракторы пришли, техника. Люди приехали из далеких селений. В горах надо спрашивать, «бабушкины сундуки» там остались.

На лето всем, кто ехал отдыхать к родственникам в горы, был дан наказ: везти в школу любую вещь, которая может рассказать о жизни узбекских крестьян до революции. Так и появился в школьном коридоре омач — соха, а в кабинете истории — старинная утварь и ткани, кусок паранджи. У каждого экспоната своя история. А на переменах только и слышно: «Оказывается, наш

председатель был первым комсоргом колхоза!» — «А Играш-ака Яманов создавал этот колхоз!» Эти «новости» взволновали всех чрезвычайно. От школы до правления колхоза «Правда» — рукой подать. В кабинете председателя, если окна открыты, школьные звонки слышны. Так что слухи о новом увлечении ребят сюда быстро докатились. Парторг колхоза Юлдашев сам не так давно был директором этой школы и до сих пор он не гость тут, а хозяин. Он и предложил восстановить силами старшеклассников историю колхоза. А у пионеров теперь к шестидесятилетию Октября — своя задача: записать историю каждого экспоната. И будет тогда у них свой музей.

ИДЕМ ДОРОГОЙ ЛЕНИНА, ДОРОГОЙ ОКТЯБРЯ!

Была среди первых новоселов Сырдарьинской целины семья Мамановых. Один из братьев, Джума, стал председателем колхоза. Тилов, бригадир, получил звание Героя Социалистического Труда. Этот бригадир среди колхозников-хлопкоробов считался «академиком», столько он знал

Парторг совхоза Юлдашев — большой друг ребят

о хлопке, так умело его выращивал. Многие нынешние десятиклассники бегали к нему в бригаду помогать. Бригадир Тилов-ака рассказывал с удовольствием, умело и увлекательно обо всем на свете. Но лучше всего — о том, как весной собирается с силами в теплое влажное гнездышко хлопковое семечко, чтобы выбиться зеленым ростком. Важно только подкормить его, напоить не позже и не раньше, чем это понадобится. Слушали его ребята и смотрели как зачарованные на зеленые кус-

В День Победы у обелиска павшим героям собирается все село

тарники, которые всю жизнь требовали от них, от их родителей, от всего колхоза столько труда и внимания. Тилов-ака казался им старым сказочником, которому известен язык растений. Три года прошло с тех пор, как Тилова Маманова не стало. Но каждый из членов его бригады — заслуженный хлопкороб. И нет никого, кто бы остался равнодушным к делу своего учителя, ничего не перенял у него. Вот почему один из отрядов пионерской дружины стал бороться за право носить имя Тилова Маманова. В седьмом «в» есть уголок, где висит фотография знаменитого бригадира. Ребята знают его биографию, записали воспомина-ния его друзей. Многие отлично помнят веселого человека с большими пышными усами, который умел так необыкновенно рассказывать о хлопке.

«ДЕТИ» БАБУШКИ ХИЛО-БУВИ

Приходит мама Гульнары Собитовой до-мой, а дочки нет. Где Гульнара? За ней Озода приходила. Вместе ушли, бабушка видела. Сказали, за Шохидой зайдут и у старой Хило-буви сегодня уборку делать будут. Мама Гульнары сразу успокаивается. У них в поселке старые и больные люди одинокими не бывают. Если детишки не прибегут, непременно взрослые заглянут, соседи наведаются. Это — традиция. Но самые обязательные люди в таких делах — пионеры. Всегда первыми заметят, что, например, на огороде дедушки Иргаша сорняки появились, а у дяди Иноята дрова к концу подходят. Все, что под силу, сами сделают, а о дровах взрослым скажут. Вес-ной, когда у всех много работы, объявляет-ся хошар. Участки стариков и инвалидов вскапывают и засевают все соседи сообща. Для ребят эти субботники — самый большой праздник. Взрослые потом все вместе ска-терть расстилают, плов едят, и смеются, и радуются сами, как маленькие. Детей тоже к столу приглашают как равных — всех, кто работал.

С тех пор, как бабушка Хило-буви стала плохо видеть, она частенько путает имена своих помощников. Иной раз услышит, кто-то во двор вошел, кричит: «Это ты, Ойхол?» А в ответ ей совсем другой, звонкий голо-сок: «Нет, бабушка, это Озода, Гульнара и Шохида, а Ойхол-апа занята сейчас в школе, она наша старшая вожатая». Бабушка кивает, а на следующий день спрашивает, не Маргуба ли пришла, не Таджи? «Нет, это мы из седьмого «б» пришли», — отвечают ей голоса. И опять бабушка кивает. Это для них Ойхол, Таджи, Маргуба — взрослые. Для нее все они — дети, и все помогают ей.

Н. ПИЖУРИНА

Сырдарьинский район,
колхоз «Правда»

Фото Р. Альбекова

Кто такой Курилка

В. БАХТИН

Рисунок В. Орлова

Есть у Александра Сергеевича Пушкина сти-хотворение «Жив, жив курилка!» Стихотворе-ние это направлено против М. Т. Каченовско-го, который был сторонником давно устарев-шего литературного направления — класси-цизма и много лет преследовал Пушкина и его друзей за то, что они в эти годы создавали новое литературное направление — романтизм.

— Как! жив еще курилка журналист?

— Живехонек! все так же сух и скучен,

И груб, и глуп, и завистью размучен,

Все тискает в свой nepотpeбный лист

И старый вздор, и вздорную новинку.

— Фу! надоел курилка журналист!

Как загасить вонючую лучинку?

Как уморить курилку моего?

Дай мне совет. — Да... плюнуть на него.

«Жив курилка!» — ходячее выражение, мы его часто слышим: мол, жив еще человек, ниче-го ему не делается. В наши дни поговорка имеет шуточный характер, но эта шутка ни-сколько не злая, добродушная. Два старых приятеля, давно не встречавшиеся, вполне могут приветствовать друг друга такими сло-вами. И ни один не подумает обидеться.

По-видимому, во времена Пушкина поговор-ка несла в себе иронию, презрительность, уни-жение. Ведь поэт не только не дружил с Каче-новским — он презирал его.

А что же это такое — курилка? Курильщик, что ли? Может, и так, а может, и нет. Когда сомневаешься, лучше проверить. Беру «Толко-вый словарь» Владимира Ивановича Даля.

У Даля слова расположены гнездами, по корням. Надо, значит, искать слово «курить». Нахожу основное значение: «дымить, произ-водить дым или смрад». А в числе слов от глагола «курить» — и «курилка»! Оказывается, курилка — «головенька из спички, дымящаяся лучинка» и сама игра, в которой спичка пере-ходит из рук в руки с приговоркою: «Жив, жив, курилка!..»

Многие ребячьи игры совсем уже забылись, не дошли до нас. Но о них можно узнать, прочитав дореволюционные сборники фоль-клора. Один из лучших и самых полных сбор-ников — «Великорусс» П. В. Шейна.

Павел Васильевич Шейн за свою долгую жизнь записал и опубликовал тысячи свадеб-ных, лирических, хороводных песен. Он соби-рал сказки и легенды, были и детский фольклор (детский фольклор он записывал, между про-

чим, когда преподавал в Яснополянской школе Льва Николаевича Толстого). Все труды П. В. Шейна невозможно перечислить. Но еще большего удивления, восхищения заслуживают его работы, если знаешь, что этот человек был с детства тяжело болен. Он плохо владел руками, передвигался только с помощью костылей. Он вечно нуждался. Не получив никакого образования, он сам образовал себя, выучил несколько языков.

В первом томе выпуска «Великорусса» подробно описаны многие забытые ныне игры детей, приводятся песенки, приговорки, которые сопровождали эти игры. Игры, например, такие — «Заря», «Кума», «Короли», «В коршуна», «Горшки», «Мак», «Утка», «Лиса». Даже по названиям этих игр видно, что они связаны с русской природой, с жизнью старой деревни.

Под номером 269 находим и описание «Курилки».

Играющие садятся довольно близко друг от друга, и кто-нибудь из них зажигает тонкую лучину; когда она хорошенько разгорится, то ее тушат, и пока огонь еще тлеет, передают из рук в руки до тех пор, пока не погаснет. Тот, в чьих руках она потухает, должен исполнить какое-либо приказание. Передавая лучину, все поют хором:

*Жил был Курилка,
Жил был душилка,
Уж у Курилки,*

*Уж у душилки —
Ножки маленькие,
Душа коротенька.
Не умри, Курилка,
Не умри, душилка!
Уж у Курилки
Ножки маленькие,
Душа коротенька.
Жив, жив Курилка!
Жив, жив душилка!*

Ну, а вот теперь перечитай пушкинский стих. Сколько нового смысла ты увидишь в нем! Сколько не замеченных, а вернее, не понятых ранее деталей. Теперь только открылся образ, объединяющий все стихотворение: человек, похожий на курилку; коптящая лучина! Как бороться с таким человеком? «Да... плюнуть на него» — теперь только вполне оценишь ты и блестящее остроумие поэта.

Когда-то, заинтересовавшись этим стихотворением, я просмотрел несколько собраний сочинений А. С. Пушкина. И нигде не нашел разъяснений, что это все-таки такое — курилка. И вот только детская игра помогла мне.

Пушкин, как мы теперь можем утверждать, прекрасно знал игру крестьянских ребятишек, видел, наверно, как торопились они передать друг другу коптящую лучину, а может, и сам играл так в детстве. Он, без всяких изменений, использовал для заглавия стихотворения строку из песенки, которой сопровождалась игра.

СТРИЖКА ОВЕЦ
Файзула Абдурахманов

РИСУЮТ УЗБЕКСКИЕ РЕБЯТА

Два десятка узких ступенек причудливой витой лестницы — и мы в изостудии республиканского Дворца пионеров имени Ленина. Небольшое помещение на втором этаже старинного особняка сплошь уставлено мольбертами. Некоторых художников за ними сразу и не разглядишь. А руководительница кружка Зоя Григорьевна Абруцкая малышей любит особенно. Любит, когда они фантазируют, создают композиции на «вольные темы».

«Нарисуй что хочешь», — легко сказать! Четвероклассник Файзула Абдурахманов, например, от такого задания сначала растерялся. «А я не знаю что...» — «Где тебе особенно нравится бывать?» — «В горах, у дяди!» — «Что ты там видел?» — «Овец видел. Видел, как их стригут». — «Вот и нарисуй!»

Так родилась первая композиция **Файзулы Абдурахманова** «Стрижка овец».

Улица, на которой живет **Азиза Баймухамедова**, очень похожа на сельскую. Там, по обочинам, вырастает высокий клевер и можно увидеть иногда пасущуюся корову или барана. А дома там низкие, одноэтажные. Поэтому рисунок Азизы можно назвать: «На нашей улице», например, а она захотела, чтобы называлось так: «На ферме».

КОНИ
Теодор Ким

НА ФЕРМЕ
Азиза Баймухамедова

Теодор Ким больше всего любит рисовать лошадей. Кони один другого стремительнее, мчатся по обложкам его тетрадей, по полям черновиков, по каждому листку бумаги, попадающему в руки мальчишке. Вот и на этом рисунке Теодора — кони.

Музыку, много читает, а когда его спрашивают, чего бы ему хотелось, отвечает: «Побегать». Но почему-то вместо того чтобы исполнить свое желание и побегать на улице, он садится за мольберт и рисует. «Неожиданная встреча» — одна из первых его работ.

Лошади обязательно присутствуют в композициях **Валерика Пака**. Валерик любит

Нина АЛЕКСЕЕВА,
Ташкент

НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА
Валерий Пак

ЁЖ

СТРАНИЧКИ ДЛЯ МАЛЫШЕЙ

Зимой все ежи спят.
Только один Ёж не спит.
Читай «Ёж».

С ПОБЕДОЙ

Утро было ясное,
Все кругом цвело,
Шли отряды красные
Отдыхать в село.

Шли отряды с песнями,
Враг был побежден,

За отвагу дерзкую
Каждый награжден,
Славой награжден!

Их встречали девицы,
Матери, отцы,
Уж село виднеется,
Отдохнут бойцы.

*Саша Пястолов,
4-й класс, Челябинск*

Только тех, кто любит труд, октябрятами зовут.

В Латвии есть городок Резекне. Школьница из этого городка отвечает на вопрос:

ПОЧЕМУ Я ЛЮБЛЮ ТРУД?

Потому что тех, кто не работает, никто не любит.

Натэлла Холина

Ёж знает девочку, которая не хуже мамы вдевает нитку в иголку.

А что ты умеешь не хуже папы или мамы?
Напиши, нарисуй картинку и пришли Ежу.

МУЖИК И БАРИН

СКАЗКА

Рубит мужик дрова. Так расстарался, что ему и в мороз жарко. Снял он с себя кафтан и положил на пень. А сам опять рубит. Пот с него градом.

Едет барин на тройке. Говорит кучеру:

— Стой!

Подзывает мужика, спрашивает:

— Мужик, что такое? Мне в шубе холодно, а тебе в одной рубахе жарко.

— А у меня, барин, кафтан не простой. На пне лежит — и то меня греет.

— Давай меняться.

— Ну что ж, давай.

Скинул барин шубу, надел дырявый кафтан и поехал. А мужик домой пошагал. Барин недалеко отъехал, и так его забрал мороз, что всего стянуло! Закричал он на кучера:

— Гони скорее!

А мужик с той поры шубу понашивал да барина вспоминал.

Эту новую запись старой сказки передал «Ежу» писатель
В. БАХТИН

Рисунки
Г. Ясинского

ДЫМОМ ПАХНЕТ...

РАССКАЗ ПОЖАРНОГО

В нашей работе первое дело — спокойствие.

Однажды пришлось нам работать всю ночь. потушили большой и опасный пожар. Все устали и прокоптились в дыму.

Утром мое дежурство кончилось. Сел я в троллейбус. Еду домой.

Вдруг старушка рядом со мной потянула носом раз, другой и сказала вполголоса:

— Как будто дымом пахнет.

Пассажиры стали принюхиваться.

— И верно, пахнет.

— Горит что-то.

— Где горит?

— Горим!

— Двери откройте! Постучите водителю! Все зашумели, повскакали с мест, началась давка. Водитель круто затормозил, открыл двери, и пассажиры бросились на мостовую.

А я остался спокойно сидеть на своем месте. Я сразу догадался: дымом-то от меня пахнет. Так прокоптился на пожаре, что за версту слышать.

Вышел я из троллейбуса. И хоть устал за ночь, пошел домой пешком.

В. ГАЛЬЧЕНКО

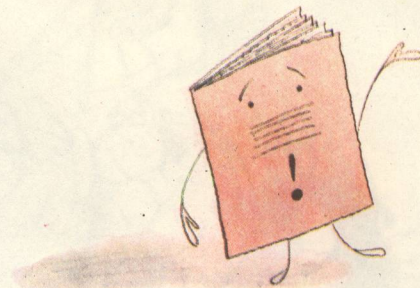

Набрала воды река,
Затопила берега,
Подняла свой панцирь-лед
И, шумя, к мосту идет.

Мост — преграда велика.
Призадумалась река:
«Как бы мне его снести
И своим путем пойти?»

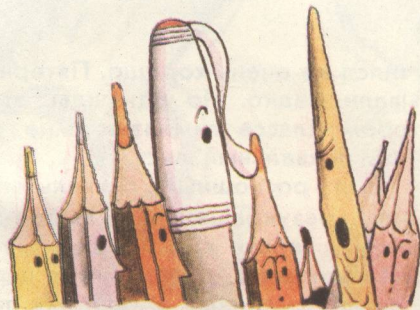
РАЗГОВОРЫ В ПОРТФЕЛЕ

ОБЛОЖКА ДЛЯ ТЕТРАДИ

— Учиться в школе — не играть, —
Сказала новая тетрадь. —
Наденьте мне обложку,
Рабочую одежду.

УКАЗКА

Не указывайте мне,
Не подсказывайте мне!
Знающей указке
Не нужны подсказки.

А. ШИБАЕВ

ЛЕДОХОД

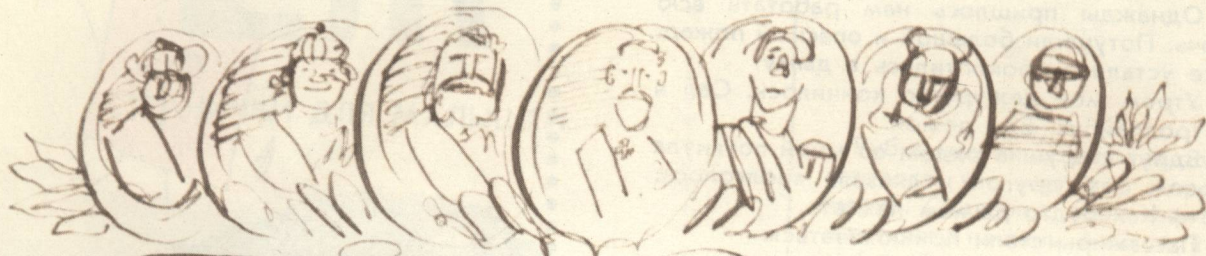
Человек велик трудом,
Справился умно со льдом,
Прогремел за взрывом взрыв,
Новый путь реке открыв.

И в открывшийся проход
Устремился ледоход.
Река лед пронесет,
Все вокруг оживет.

Виктор Еременко,
4-й класс, хутор Орлов
Ростовской области

Ёж попросил писателя В. Каверина:
— Вениамин Александрович! Дайте, пожалуйста, в журнал рассказ.
— Я пишу для взрослых, — ответил писа-

тель. — Но могу рассказать одну историю. А ты, Ёж, если хочешь, можешь ее записать. Вот эта история, записанная Ежом. Прочти ее.

Жесткий лист

Рисунок А. Слепкова

Я учился не очень хорошо. Пятерки у меня бывали редко. Но однажды, это было во втором классе гимназии, мне удалось получить похвальный лист.

Это был роскошный похвальный лист. Большой, разукрашенный. Было это до революции, только год прошел с тех пор, как отпраздновали трехсотлетие царствующего дома Романовых, и поэтому лист был украшен портретами царей, вензелями, лентами, и вообще это было очень красиво.

Придя домой, я показал похвальный лист брату Саше, который очень увлекался тогда химией, все уходил в чулан под лестницей, и оттуда слышались какие-то взрывы и грохот. Саша сказал только: «Ишь ты!» — и ушел в свой чулан.

Тогда я показал лист отцу, военному капельмейстеру, который умилился и был очень доволен. Сказал, что когда он поедет в Петербург к родным, возьмет с собой лист непременно.

И я размышлял, что вот действительно получил похвальный лист и об этом все узнают. Хотя перед мальчишками, которые были на дворе, я сделал вид, что довольно небрежно отношусь к моему листу. Я его даже побросал в воздух, свернув трубкой. Потом я положил его на окно и занялся писанием стихов. Я уже тогда писал стихи, причем писал их очень последовательно, каждый день по одному стихотворению, все равно, хочется мне этого или нет. Очень старательно писал стихи. Когда я кончил, я посмотрел на подоконник, где лежал мой лист, и оказалось, что моего листа нет.

Я стал искать его всюду. И не только я:

когда узнали, что лист пропал, все стали его искать. У меня была старая нянька, которую я очень любил, — она стала искать. И отец, который обеспокоился, потому что хотел похвастаться своим сыном, — все стали искать. Листа нигде не было.

А надо сказать, что у нас была коза. Моя мать, женщина интеллигентная, окончившая московскую консерваторию, имела свои особенные взгляды и пристрастия. Она считала, например, что мальчики должны жевать на жестком. И мы спали просто на голых досках, так что если кто-нибудь из гостей заходил в спальню к мальчикам и садился на кровать, то подсказывал от неожиданности. Она же считала, что мы должны пить не коровье, а козье молоко, и мы держали козу Машку.

Это была обыкновенная симпатичная коза. Но вот, не помню уже кому, пришло в голову: а не стащила ли коза мой похвальный лист? Дело в том, что Машка любила жевать что попало. Пришел однажды кто-то из гостей, набил трубку табаком, а коза стащила пакет с табаком и съела его табак вместе с бумагой.

Пошли в сарайчик к козе. Пришли. Увы, она уже дожевывала мой похвальный лист. Из царей уже почти никого не осталось, только кто-то из самых поздних Романовых. В общем, лист был безнадежно испорчен.

Отец очень расстроился, все-таки подобрал лист и думал, не захватить ли его с собой. Но потом решил, что с точки зрения политической это будет не очень удобно. Все-таки коза съела весь царствующий дом.

Вот такая история.

ДАВАЙТЕ УЧИТЬСЯ

Многие читатели «Костра» интересуются, что такое сто- клеточные шашки и как в них играть.

Наш корреспондент встре- тился с неоднократным чемпи- онном Советского Союза, два- жды чемпионом мира по шашкам Вячеславом Щеголевым.

— Гроссмейстер, расскажи- те, пожалуйста, как вы начи- нали.

— Мне было девять лет, когда брат усадил меня за доску и предложил сыграть в шашки. Брат показал ходы и комбинации, и я сразу увлек- ся игрой.

Вместе с другими ребятами мы установили во дворе стол и принялись проводить турни- ры. Как это было интересно! Сперва меня не принимали в компанию старших, но посте- пенно я усилился и начал вы- игрывать не только у сверстни- ков. Однако, когда достиг того, к чему так стремился, выигры- ши перестали радовать. Я захо- тел проигрывать. Да, да, про- игрывать! Но зато играть с более сильными противниками. Таких я нашел в саду — там собирались взрослые шашки- сты, уже разрядники. А потом запи- сали меня — на стадионе Юных Пионеров — в настоящую ша- шечную секцию с настоящим тренером, и тут я, полагавший, что постиг в шашках почти все-все, понял, как ошибаюсь. Мои познания были лишь первым шагом на пути огром- ной длины. Но я уже был влюб- лен в шашки и был готов изу- чать их тайны когда угодно, где угодно и сколько угодно.

— В семнадцать лет вы ста- ли мастером спорта, в восем- надцать — победителем пер- венства СССР, а в девятна- дцать лет завоевали титул чемпиона мира. А что считаете вы своим первым успехом?

— Первым успехом?.. Если быть точным, считаю второе место, занятое мной в турнире старших ребят нашего двора, куда меня — десятилетнего — они снисходительно допустили. Этот «шашечный марафон» длился все лето (каждый с каждым играл по девять пар- тий), успех в нем словно окры- лил меня.

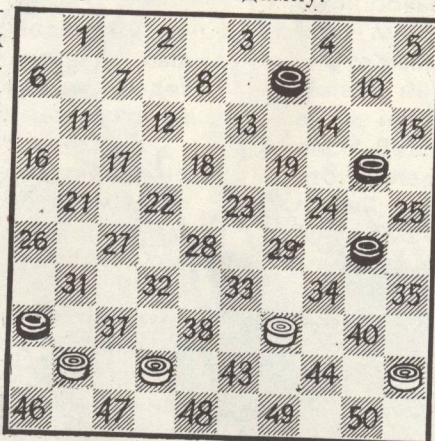
— Начали вы играть в рус- ские шашки, но потом перешли на сто- клеточные... Чем они отличаются от русских?

— Стоклеточные шашки — международные: все междуна- родные соревнования, включая юношеские и взрослые первен- ства мира и Европы, проводятся по ним. Доска в них сто- клеточная, ее поля пронумерованы, как на диаграмме. У каждого игрока по 20 шашек, черные ставятся на полях 1, 2, 3..., 20, а белые — на 31, 32, 33..., 50. Правила игры — как в рус- ских шашках, но для ходов со взятием есть три отличия:

1. Всегда обязательно брать так, чтобы с доски снималось наибольшее число шашек про- тивника (правило большин- ства).

2. Если простая с удара по- падает на дамочное поле и мо- жет как простая брать дальше, она берет, но остается простой.

3. Если простая с удара попадает на дамочное поле, а дальше как простая брать не может, она останавливается и превращается в дамку.

В положении на диаграмме белые играют 1.42—38! Черные бьют 1... 36:47 (остановка: третье правило) 2.39—34! 47:40 (черные обязаны бить

большинство: первое правило). А теперь — 3.45:3X. Если бы белые пошли сразу 1.39—34?, то черные побиили бы 1...36:38 (их шашка осталась бы про- стой: второе правило), и была бы ничья.

— Может ли добиться успе- ха в сто- клеточных шашках, скажем, мальчик, живущий в селе?

— Не сомневаюсь, что — да! Что для этого нужно? Прежде всего, любовь к шашкам. А так- же трудолюбие и упорство. Хорошо, если есть руководи- тель — сильный игрок. Но, по- вторяю, необходимо проявить настойчивость и побольше заниматься шашками — ре- шать комбинации, разыгрывать партии, создать шашечный кружок. Потом можно вклю- читься и в турниры по пере- писке. А первый случай участ- вовать в соревнованиях по сто- клеточным шашкам я предо- ставляю читателям «Костра» сейчас.

Расчертив на листе картона (или бумаги) сто- клеточную доску, поставьте номера полей. Затем решите три позиции.

А. Белые: 25, 26, 33, 39, 43, 44; черные: 6, 16, 24, 29, 32, 35.

Б. Белые: 30, 38, 39, 42, 47; черные: 18, 19, 28, 34, 36.

В. Белые: 23, 30, 33, 34, 38, 42, 48; черные: 11, 14, 15, 19, 22, 25, 31.

Везде ход белых. Как им одержать победу? Приславше- му лучшие решения я подарю свою книгу «От новичка до чемпиона». Желаю успеха всем костровцам!

АДМИРАЛ ТЮЛЬПАНОВ

Один мальчик взял да и назначил сам себя адмиралом. Он был сыном корабельного плотника в голландском городе Лейдене. Все знают, что Голландия — морская страна. Мальчику в такой стране, конечно, легче стать адмиралом, чем, например, тому, кто от рождения не видел даже поряточной речки.

Тот мальчик, адмирал, мечтал: «Я бы такой смастерил корабль, что ахнули бы все корабельные — гоорнские и амстердамские. Крутобокий, с тремя мачтами, с таким ходом, что вода превращается в пену! На нем поставил бы я сорок зубастых мехеленских пушек. Я бы крикнул: «Эй, на фокмачте! Смотреть вперед!» А мне бы ответили: «Есть, адмирал!»

Надо сказать, что дело происходило давно, в 1574 году. Для Лейдена это был тяжелый год. Его осадили испанцы. Они хотели подчинить всю страну своему королю. Потому-то наш адмирал и мечтал о сорока зубастых пушках.

«Я бы вышел на Зейдер-Зее и освободил от испанцев Амстердам. А потом на Норд-Зее — и выгнал бы их из Гааги. Так я дошел бы до Испании, до главного их города. Навел бы все пушки и крикнул: „Эй, испанцы, выходи все на берег и стройся перед адмиралом! Сейчас вы будете давать клятву, что никогда на нас не нападете, иначе — бам-барарах!“»

Звали адмирала Кеесом, и он не только в мечтах помогал освобождать родную землю от захватчиков.

Голландцы не захотели подчиниться испанцам и восстали. Испанцы называли их гёзами. Это значит — оборванцы. Среди гёзов были не только бедняки, но их всех объединяло одно: они ненавидели короля

Филиппа и испанскую инквизицию. Еще бы их не возненавидеть, если захватчики убивали, жгли и вешали всех, кто казался им подозрительным. А подозрительными, на их взгляд, были чуть ли не все жители подряд: «У нас в Лейдене столько я видел костров, что уже издали по запаху различал, что жгут человека. А в Хаарлеме, где жил мой дядя Гейберт, всех перерезали, даже вода в каналах стала красной от крови» — это рассказывает сам Кеес.

Ему, мальчишке двенадцати

лет, далеко не просто было выполнять поручения гёзов. Не каждый мальчишка сможет кромешной ночью ползти по мокрой траве в разведку к зловещим вражеским кострам. И не так-то легко пересечь всю страну, захваченную врагами, чтобы передать письмо осажденных лейденцев предводителю гёзов принцу Оранскому. Кеес смог все это сделать только потому, что, как и полагается адмиралу, никогда не терял мужества. И если бы он не был сообразительным, находчивым и ловким, ему ни за что не удалось бы добраться до принца Оранского. А он не только добрался, но вместе со своим другом шутом Караколем спас принца от верной смерти.

Да, так просто назначить себя адмиралом может любой. Но быть достойным этого звания сумеет далеко не каждый. Например, не каждый пойдет проверять ночью, правда ли, что в темноте ведьмы катаются на крыльях ветряных мельниц. А Кеес пошел. Очень уж было любопытно взглянуть, как там на самом деле. И благодаря этому он узнал одну тайну. Тайну разбойника Железный Зуб и купца Слимброка... Эту тайну сможет узнать и тот, кто прочтет книгу «Кеес Адмирал Тюльпанов». Ее написал К. Сергиенко, она вышла в издательстве «Детская литература» в 1975 году. Читатель будет посвящен не только в эту тайну. Он станет свидетелем многих удивительных событий и, кроме того, кое-что достоверно узнает о войне гёзов с испанцами.

М. ВЕХОВА

Рисунок А. Курушина

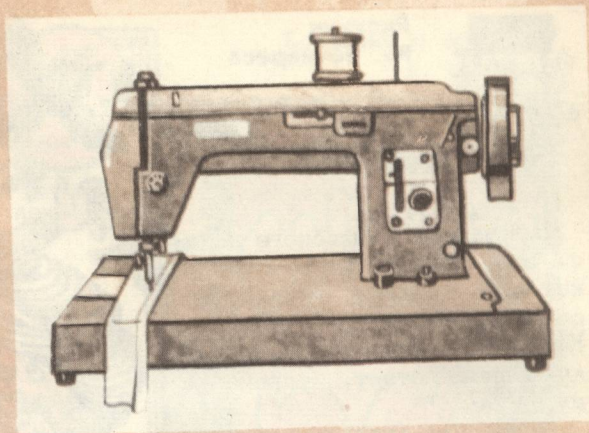

СОВЕТЫ МАШИ-ИСКУСНИЦЫ

Хочешь, научу тебя шить фартук?
Ткань можно взять льняную, можно — полотно, ситец или сатин. Карман и пояс шей из ткани какого-нибудь другого цвета.

Мягким портновским метром смеряй окружность талии. Прибавь еще 40 сантиметров. Получится длина поясной ленты. Можно купить ленту или тесьму в магазине. А можно сшить.

Вот как шить ленту: для пояса шириной 4 сантиметра начерти на бумаге полосу в 8 сантиметров ширины. Эту выкройку вырежь и наложи на ткань с изнанки — да не поперек длины материала, а вдоль. Теперь очерти выкройку мелом. Вырезай так, чтобы с каждой стороны осталось по одному сантиметру на швы. Получилась полоса ткани, длина ее — на 2 сантиметра больше длины выкройки, ширина — 10 сантиметров. Эту полосу сложи вдоль, пополам, изнанкой наружу. Нужно сметать вместе оба края и сшить на швейной машине. Выйдет трубка из ткани. Выверни ее на лицевую сторону, чтобы шов остался внутри. Разложи на гладильной доске и разгладь так, чтобы шов проходил посередине пояса. Концы пояса срежь немного наискось, края ткани заправь внутрь и застрочи на машине поближе к кромке.

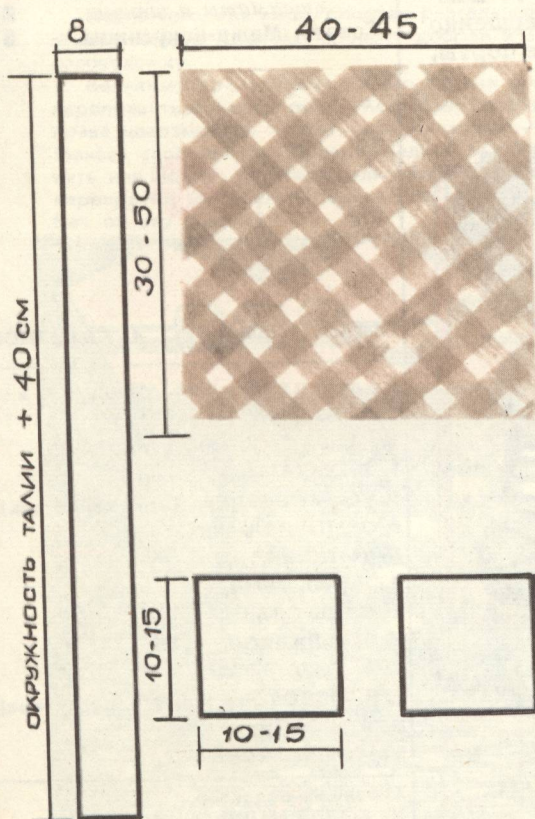

Длина самого фартука — сантиметров 30—50, как захочешь. Ширина — 40—45. Будешь переносить выкройку на ткань — раскладывай ее по изнаночной стороне вдоль длины ткани. С каждой стороны оставь сантиметр или полтора на швы. Эту лишнюю ткань называют припуском. Сложи ее на изнаночную сторону два раза по полсантиметра. Теперь нужно сметать и застрочить, как показано на рисунке. Получится ровная кромка.

Верхний край фартука приметай и пришей к внутренней стороне пояса. Карман у тебя будет длиной и шириной сантиметров по 10—15. На нем тоже сделай со всех сторон кромку, потом наложи карман на фартук, приметай и пришей снизу и с боков. Вынь наметку.

Разгладь фартук утюгом.
Готово. Носи на здоровье.

Оформление И. Шерешевской

Рисунки
Ю. Бочкарева

При дворе дамасского халифа жил мудрец, в обязанности которого входило отвечать на самые разнообразные вопросы. Как-то женщина, не сразу получившая ответ, упрекнула мудреца:

— За что, как не за твои знания, ты получаешь жалованье?

— В том-то и дело, что я получаю жалованье за мои знания, — ответил мудрец. — Если бы халиф платил мне за то, чего я не знаю, не хватило бы даже его несметных богатств.

Испанский король Филипп II однажды спросил у своего адмирала, какие порты в стране — наилучшие.

— Июнь, июль и Карфаген, — ответил адмирал.

Может показаться, что этот ответ — бессмыслица. А между тем адмирал выразился кратко, образно и совершенно точно. Он дал понять, что в июне и в июле хороши все порты, а порт Карфаген хорош в любое время года.

Рукописи и фотографии не возвращаются.
Адрес редакции: 193015. Ленинград, Таврическая, 37, телефон 274-93-84

М-29292. Сдано в набор 6/Х 1976 г. Подписано к печати 30/ХІ 1976 г. Формат 60×90 1/8.
Печ. л. 8+обл. 8,8 уч.-изд. л. Тираж 560 000 экз. Заказ 3273. Цена 25 коп.

Ленинградская фабрика офсетной печати № 1 Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 197101, Кронверкская ул., 7.

СОДЕРЖАНИЕ

Главный доктор республики <i>повесть С. Ласкина</i>	2
Эстафета пятилеток <i>фото ТАСС</i>	12
Барабан <i>журнал юнкоров</i>	14
Приглашение к полету <i>очерк В. Тузова</i>	18
Зеленые страницы <i>поиск</i>	20
Вниз по лестнице точности <i>заметка В. Лысова</i>	22
Привет тебе, Митя Кукин! <i>повесть Л. Кузьмина</i>	24
Стихи <i>Вадима Шефнера</i> <i>рисунок Ю. Клыкова</i>	36
У наших северных друзей <i>очерк В. Смирнова</i>	38
Клеенка <i>рассказ Ю. Коваля</i>	40
Мачуапикчу	43
Морская газета	46
Долг платежом красен <i>сказка В. Лебедева</i>	48
Там, за рекою Сырдарьей <i>очерк Н. Пижуринной</i>	50
Кто такой Курилка <i>заметка В. Бахтина</i>	52
Рисуют узбекские ребята	54
Еж <i>странички</i> <i>для малышей</i>	56
Давайте учиться <i>заметка Ю. Барского</i>	60
Библиотека КОСТИ ТЕРкина	61
Арчебок <i>шахматы и шашки</i>	62
Советы Маши-искусницы	63

Главный редактор С. В. САХАРНОВ

Редакционная коллегия:
Г. В. БАЛУЕВ,
В. М. ВОСКОВОЙНИКОВ,
Т. В. ЗАХАРОВА,
Л. С. КОКОРИНА (отв. секретарь),
А. И. ПАНТЕЛЕЕВ,
Л. Н. ПОЖИДАЕВА,
Р. П. ПОГОДИН,
Е. В. СЕРОВА,
Н. И. СЛАДКОВ,
В. В. ТОРОПЫГИН,
Т. Н. ФЕДОРОВА (зам. гл. редактора),
Н. А. ХОДЗА,
Г. М. ЧЕРНЯКОВА

Художник-редактор
М. С. БЕЛОМЛИНСКИЙ
Технический редактор
В. И. МЕЦАТУНОВА
Корректор
В. А. МАЕВСКАЯ

Итак, решено! Ковер-самолет клуба «За семью печатями», потертый, но еще вполне исправный, отправляется в путешествие.

Маршрут Нашего Репортера — из одной союзной республики в другую, от одного волшебного сундука народной мудрости — к другому волшебному сундуку.

ВОЛШЕБНЫЙ ПОЛЕТ НАШЕГО РЕПОРТЕРА

Остановка первая. Киргизия

Ковер-самолет приземлился в горах Тянь-Шаня, посреди большого стада овец.

Наш Репортер почтительно поздоровался с седобородым пастухом и спросил, как его здоровье и сколько ему лет.

Если число моих лет умножить на число пальцев на обеих руках и вычесть из этого количества произведение одного из однозначных чисел на общее количество горбов у трех двугорбых и трех одногорбых верблюдов, то получится столько, сколько всего ног у моих овец, которых ровно двадцать три дюжины с четвертью.

Наш Репортер задумался. Тогда старик предложил ему пока что решить задачу полегче.

Я пасу на этом берегу реки белых овец, а мой друг пасет на том берегу черных. У меня в стаде есть три упрямые овцы, которые все время перебегают на тот берег, а три упрямые черные овцы перебегают с того берега сюда. Каждый вечер, когда мы собираем свои отары, три черные и три белые упрямыцы бросаются через мост обратно к своим и встречаются на мосту носом к носу. Мост такой узкий, что через него может пройти только одна овца. И лишь в середине есть пяточок, где овца, посторонившись, может пропустить мимо себя другую. Черные и белые овцы ни за что не согласятся уступить дорогу. Они согласны лишь немного попятиться. Но этого им достаточно, чтобы, используя пяточок, разойтись по одной. При этом черные овцы оказываются на своей стороне, а белые на своей. Как им это удается?

После того, как Наш Репортер разгадал ответ пастуха и решил задачу, старик сделался к нему добрее и в знак дружбы задал головоломку.

Великому воину Манасу и его сорока богатырям нужно было переправиться через реку. Мост был разрушен. Казалось, переправа невозможна. Но тут двое мальчиков-пастухат предложили Манасу свой челнок. Правда, челнок был так мал, что мог поднять или одного богатыря, или обоих пастухат. И все-таки Манас переправил на другой берег свое войско и переправился сам. Как он это сделал?

Составил и оформил
В. УФЛЯНД

ОТВЕТЫ НА ЗАДАНИЯ № 12

Приветствие: «ЖЕЛАЕМ ВСЕМ ЧИТАТЕЛЯМ «КОСТРА» ВЕСЕЛЫХ НОВОГОДНИХ КАНИКУЛ». Буквы на прямоугольных флажках — первая половина фразы, на треугольных — вторая.

Одинаковые фонарики № 2 и № 10.

Не хватает тарелки с двумя скрещенными мечами.

Девятой должна быть рыба с красным хвостом и белым плавником, находящаяся с другой стороны под № 5. Другие рыбы не подходят к этой серии по принципу раскраски.

Маскарад. По условию настоящий звездочет должен быть где-то слева от того, кто одет звездочетом. Значит, он одет или домовым, или лесовиком. По другому условию домовой Демьяша стоит справа от одетого в его костюм. Следовательно, Демьяша одет звездочетом или гномом. Поскольку звездочет и домовый должны стоять рядом, ясно, что домовый одет звездочетом, звездочет одет домовым, лесовик — гномом, гном — лесовиком.

ЗИМОЙ

Падает с неба
Белый пух зимы.
Лыжи и санки
На двор выносим мы.

Скользко на горке,
Под ногами лед.
Никто не боится,
Что вдруг упадет.

А потом на лыжах
Мы бежим бегом,
А потом на санках —
С горки кувырком!

*Юля Сергунина,
4-й класс,
Нижевартовск
Тюменской области*

Рисунок П. Швеца

